

ISSN 2541-7509

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2017 · №7

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Сетевое издание
Электронный научный журнал

---

*Издание основано в 2016 г.
Периодичность – 12 номеров в год.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-66175
от 20.06.2016.,
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Учредитель и издатель: ООО «НОВАЛЕНСО»
Главный редактор: Барин Д.Н.
Адрес редакции: Россия, 214038, г. Смоленск,
ул. Кловская, 23-а, 63.
Официальный сайт: naukavestnik.ru
Тел.: +7 905 696-6338
E-mail: jour@nauko-sfera.ru*

Поступающие в редакцию статьи рецензируются. Материалы публикуются в авторской редакции и отображают персональную позицию автора. Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в журнале. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Редакционная коллегия:

*Гаранина О.Д., доктор философских наук, профессор
Далингер В.А., доктор педагогических наук, профессор
Кондрашихин А.Б., доктор экономических наук, профессор
Микерова Г.Г., доктор педагогических наук, профессор
Океанова З.К., доктор экономических наук, профессор
Тужба Э.Н., доктор социологических наук, профессор*

СОДЕРЖАНИЕ

Багаев А. Б. Винтовка «пибоди-мартини» на вооружении у осетин в условиях общественных модернизаций	4
Сатцаев Э. Б. Структура и языковые особенности белуджского населения исторической области Белуджистана	11
Упоров И. В. Теория уголовного наказания в России: от екатерининского «Наказа» до системных исследований начала XIX века	19
Урюпина Т. М. Проблема определения слова как базовой единицы языка и особенности лексической семантики	26
Андреева А.Д. Субъективный образ детства у современных родителей как основа формирования образовательной среды ребенка	33
Симонов И.В. Эсперантистские средства массовой информации в год 130-летия создания языка эсперанто	48
Соловьева А.С. Заговор Килона – предпосылка первых законов Афин	54

УДК 391.982

Винтовка «пибоди-мартини» на вооружении у осетин в условиях общественных модернизаций

Багаев А. Б.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный
центр Российской академии наук»*

Предметы вооружения являются важной частью материальной составляющей военной культуры этноса. Вопрос о стрелковом оружии у осетин во второй половине XIX – начале XX вв. относится к малоизученным проблемам. В XIX в. в вооружении вообще и в ружейных системах в частности произошли огромные изменения, темпы модернизации были настолько быстрыми, что появлявшиеся новые системы за несколько лет устаревали и сменялись более совершенными образцами. Данная работа посвящена рассмотрению вопроса о винтовке «Пибоди-Мартини», ставшей в определенное время одним из распространённых систем стрелкового оружия у осетин. Автор на основе исторических источников выявил время появления этой системы ручного огнестрельного нарезного оружия у осетин и время его бытования. Так же в работе дано подробное внешнее и техническое описание рассматриваемой системы винтовки.

Ключевые слова: Осетины, Пибоди-Мартини, военная культура, стрелковое оружие, винтовка.

Осетин находился при оружии всегда как в дороге, так и дома, как в военное время, так и в мирное. При этом надо отметить, что это являлось знаком его социальной дееспособности, но отнюдь не повышенной агрессивности [7; 8].

Оружие всегда играло важную роль в жизни осетина. Подтверждением этого является и словарный фонд осетинского языка, в котором широко представлена номенклатура различных типов и видов как холодного, так и огнестрельного оружия [11].

Вопрос о находившихся на вооружении осетин типах казнозарядных винтовок во второй половине XIX в. до настоящего времени не изучен. Вероятно, кажущаяся на первый взгляд узость проблемы была причиной того, что она вообще никогда не ставилась. Между тем данный вопрос при изучении военного дела осетин периода XIX – XX вв. довольно актуален. Исследование рассматриваемой проблемы позволяет определить степень взаимодействия осетинской военной культуры с военной культурой других народов и стран. Кроме того оно отражает степень их влияния на нее и позволяет разрешить не только поставленный вопрос, но и осветить контакты осетин с другими культурами.

Как мы уже отмечали данная проблема до настоящего времени не была предметом специального исследования. Мы поверхностно касались этой проблемы при исследовании военного дела осетин [1; 4]. Однако по объективным причинам в наших прошлых работах этот вопрос так же не был детально изучен.

Материалов проявляющих свет на существовавшие у осетин во второй половине XIX века ружейных систем довольно мало. Но на основе собранных к настоящему времени данных мы попытаемся осветить поставленный вопрос.

Довольно долгое время огнестрельное оружие осетин как, впрочем, и в других уголках мира, состояло из кремневых ружей и пистолетов. Особенностью оружия осетин было то, что оно было нарезным, осетины в силу особенностей их военного искусства почти не использовали гладкоствольные ружья [2].

Доступные источники позволяют нам довольно точно определить время замены у осетин кремнёвого вооружения казнозарядными винтовками с унитарным металлическим патроном. Произошло это во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Именно в этот период на вооружении у принимавших активное участие в войне осетин, появились различные системы современных на тот момент винтовок.

В данной статье мы подробно остановимся на рассмотрении системы «Пибоди – Мартини» одной из наиболее распространенных в последней трети XIX – начале XX вв. у осетин винтовок.

Системой казнозарядной винтовки, получившей довольно широкое распространение у осетин, была «Пибоди-Мартини. М1874». Познакомились они с этой системой тоже во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Как известно, осетинские конные сотни воевали как на Дунайском, так и на Кавказском театре военных действий. Оставивший описание осетинских всадников, двигавшихся в составе Ардараганского отряда российской армии к Батуми, К. Лалош отмечает, что они вооружены «были винтовками Пибоди-Мартини из отбитых под Карсом» [9, с. 316]. Как видим, источник однозначно сообщает нам о том, как и когда у осетин появились винтовки рассматриваемой системы. Таким образом, находясь на вооружении осетинских воинов с последней четверти XIX в. винтовка «Пибоди-Мартини. М1874», стала элементом материальной культуры осетинского народа. В следствие этого, необходимо освещение истории создания данной системы винтовки, а так же более пристальное и детальное рассмотрение ее технических характеристик.

История этого оружия началась в 1862 г., когда американский оружейник Генри О. Пибоди запатентовал изобретенную им винтовку. Разработанный американским полковником затвор располагался в прочной ствольной коробке, разделявшей ложу на приклад и отдельное цевье. Замок оставался таким же, как и у капсюльных ружей, вмонтированный в шейку ложи. Г. Пибоди видоизменил курок в боевой части так, что он ударял по бойку, проходившему косо сквозь тело затвора к патрону. Сконструированный Г. Пибоди затвор, из-за легкости хода,

низкого трения, замечательной экстракции (извлечения гильзы) и надежного запираания, а так же невосприимчивости к загрязнению, оказался очень практичным. Первоначально в США, охваченной гражданской войной, винтовка «Пибоди» вызвала интерес, который быстро угас после победы Севера над Югом. Однако, вызванный интерес привел ко многим подражаниям и вскоре был модернизирован другими оружейниками. В данном исследовании мы остановимся на изменениях, которые внес швейцарский конструктор оружия Фредерик фон Мартин.

Он заменил подкладной замок с внешним курком на ударный затвор, в котором одновременно с закрыванием затвора взводилась пружина ударника. Для управления механизмом затвора использовался специальный рычаг. Ф. Мартин усилил экстрактор, являвшийся слабым местом у винтовки «Пибоди». Ствол винтовки «Пибоди» швейцарец заменил на нарезной ствол, изобретенный шотландским оружейником А. Генри. Патронник ствола предполагал использование патронов с гильзой бутылочной формы и выступающим фланцем. Винтовка, созданная Ф. Мартини, вызвала значительный интерес во многих государствах. На данное изобретение Патентной палатой США 25 мая 1869 г. был выдан патент. Пришлась она по душе и британской армии, и была принята ею на вооружение в 1871 г. под названием «Мартини-Генри».

Назревавшая во второй половине XIX в. война между Российской и Османской империями, вынудила турок начать перевооружение своей армии более современным стрелковым оружием. Первоначально Блистательная Порты, пыталась закупить винтовки системы «Мартини-Генри» в Англии. Однако англичане направляли новые винтовки исключительно на вооружение собственной армии. Но, турки нашли выход из сложившейся ситуации. Они заказали винтовки в США. Американская компания «Провиденс» владела патентом на производство винтовок «Пибоди» доработанных Ф. Мартини. Так появилась казнозарядная винтовка, получившая официальное название «Пибоди-Мартини. М1874». Она незначительно отличалась от английского «Мартини-Генри», устройством затвора и патрона, а так же размерами штыка. Кроме того, на ствольной коробке «Пибоди-Мартини» была выбита *тугра* (знак с обозначением имени и титула) турецкого султана.

«Пибоди-Мартини. М1874» была однозарядной винтовкой 11,43 мм калибра. Общая длина ее равнялась 1250 мм, вес (без штыка) – 3800 г. Ложе изготовлялось из качественной древесины американского ореха. Ствол с семью винтовыми нарезами Генри, круглой формы, прочно ввинченный в ствольную коробку. Длина его равнялась 840 мм. К цевью он крепился двумя стальными раз-

движными кольцами на винтах. Для предотвращения смещения колец использовались поперечные стальные штифты круглого сечения. Передняя антабка располагалась на кольце, а вторая находилась в передней части спусковой скобы. Ширина их равнялась 45 мм. Длина цевья составляла 750 мм. В него вкладывался стальной шомпол с коническим наконечником длиной 806 мм. Приклад прочно крепился к ствольной коробке стяжным винтом, который прикрывался литым затильником с ромбовидной насечкой, крепившимся к древесной части приклада двумя винтами. На «Пибоди-Мартини» установлен был открытый ступенчато-рамочный прицел с наибольшей прицельной дальностью – 1800 шагов [6, с.84].

Скорострельность составляла 10 выстрелов в минуту. Начальная скорость пули составляла 411 м/с. Спусковой крючок оснащен был насечками, повышавшими чувствительность пальца. Он не имел свободного хода и обладал довольно мягким спуском.

Турецкие «Пибоди-Мартини» использовали патроны: «450 Турецкий Пибоди», «45 Пибоди-Мартини» или «11.43 x 55R мм турецкий». Они с латунной, цельнотянутой гильзой бутылочной формы. Длина патрона – 79,25 мм, длина гильзы – 58,42 мм, вес порохового заряда – 5,18 г. Безоболочная свинцовая пуля имела диаметр – 11,35 мм, при этом её вес равнялся 31,49 г. Вследствие того, что диаметр меньше диаметра ствола, для obturation закругленная головка пули оборачивалась в промасленную бумагу. Для снаряжения патрона применялся просальник. Употребление просальника и обертка промасленной бумагой пули способствовали снижению трения, предохранению от чрезмерного свинцевания ствола и улучшению obturation. При выстреле пуля раздавалась, диаметр ее увеличивался, и она вдавливалась бумагу в нарезы. Используемый при изготовлении патронов порох был дымным. Патрон «45 Пибоди-Мартини», производившийся в США, был гораздо лучше. Он обладал хорошей баллистикой, которая отражалась на дальности и кучности боя. Вместе с винтовками турки закупили в США 40 млн. патронов к ним [5, с. 23].

В целом, говоря о системе «Пибоди-Мартини. М1874», надо отметить, что это была добротная, обладавшая хорошими боевыми характеристиками, винтовка. При этом достаточно легкая в обращении. Вопреки довольно большой длине и значительному весу «Пибоди-Мартини» выделяется среди современных ему винтовок довольно гармоничным складом и тонкой красотой форм.

Осетинский полк, который был вооружен отбитыми у турок «Пибоди-Мартини» был набран в Южной Осетии. По этой причине данная система винтовок большее распространение получила среди южных осетин. После завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оружие, которое получили добровольцы, осталось у них. В сообщениях более позднего периода он также фиксируется у

осетин Закавказья. Так, в докладе об осетинских абреках тифлисскому уездному начальнику ксанского пристава князя Шаликова, датированным 7 августа 1891 г., есть такой фрагмент: «Всадники были во всем оружии, за спиной они имели ружья (Пибоди Айнали)...» [3, с. 426]. Данное свидетельство является подтверждением того, что рассматриваемая система винтовки продолжала использоваться осетинами в качестве боевого оружия вплоть до конца XIX в. Однако с появлением и распространением в Осетии магазинных винтовок она постепенно потеряла свое значение в качестве боевого оружия.

Довольно широкое применение винтовка «Пибоди-Мартини» нашла и вне военной сферы (в особенности после появления более совершенных типов боевых винтовок). Как в Осетии, так в других регионах мира, она долгое время использовалась как крупнокалиберное охотничье ружье для охоты на крупных и опасных животных: медведей, лосей, оленей, кабанов.

Подтверждением нашего мнения является наличие в словарном фонде осетинского языка слова «*бободи / бибоди*», обозначающая ружье одностволку. Данное слово, являющееся на сегодняшний день архаизмом, в прошлом было одним из широко известных терминов для обозначения охотничьего нарезного ружья. Как известно, попадая из русского языка в осетинский, слово может остаться без изменений или оформиться по фонетико-графическим законам осетинского языка [10]. Таким образом, название винтовки «Пибоди», пройдя определенные этапы адаптации, обрело в осетинском языке форму «*бободи / бибоди*».

О существовании у осетин ружья под названием «*бободи*» мы упоминали в некоторых своих прошлых работах. Более детальное исследование этого вопроса показало, что наше предположение о многозарядности ружья «*бободи*» оказалось ошибочным [1, с.107; 4, с. 409]. Безусловно это однозарядное нарезное ружье.

Таким образом, одним из типов стрелкового оружия, получившего достаточно широкое распространение у осетин в последней четверти XIX в. являлась винтовка американского производства «Пибоди-Мартини. М1874», чаще называвшаяся просто «Пибоди-Мартини». Появившись в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в комплексе вооружения осетин винтовка «Пибоди-Мартини» продолжала использоваться вплоть до конца XIX в. Позже она продолжала бытовать у осетин в качестве охотничьего оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаев А.Б. Военное дело Осетии XV-XIX вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2009. – 223 с.
2. Багаев А.Б. Вооружение и военное искусство осетин // Современная методология и методика гуманитарных исследований Материалы I Зимней школы-конференции молодых ученых. 2007. – С. 27-31.
3. История Юго-Осетии в документах и материалах (1864-1900). Т.III. – Цхинвал: Госиздат Юго-Осетии, 1961. – 270 с.
4. Оружие // Осетины / Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. – М.: Наука, 2012. – С. 268-273.
5. Потоцкий Н. П. Турецкие ружья во время войны 1877 года. Сравнение турецкого вооружения с русским. – СПб: Типография братьев Пантелеевых, 1878. – 28с.
6. Федоров В.Г. История винтовки. – М: Воениздат, 1940. –127с.
7. Хадикова А.Х. Основные принципы традиционной системы социализации осетин: Историко-генетический аспект // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1.; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11819> (дата обращения: 16.09.2017).
8. Хадикова А.Х. Традиционная культура общения осетин: этнокультурные особенности и истоки формирования // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3.; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13049> (дата обращения: 16.09.2017).
9. Хрестоматия по истории осетинского народа. Т.1. / Сост. М.П. Санакоев. Цхинвал: Ирыстон, 1993. – 411 с.
10. Цаллагова И.Н. К проблеме адаптации русских заимствований в современных говорах дигорского варианта осетинского языка // Научное обозрение. Филологические науки. – 2014. – № 1. – С. 76-76; URL: <http://philology.science-review.ru/ru/article/view?id=117> (дата обращения: 16.09.2017).
11. Цаллагова И.Н., Багаев А.Б. Характеристика лексико-семантической группы «хуаџаңгарз / оружие» в дигорском варианте осетинского языка // Всероссийские Миллеровские чтения. 2016. № 5. – С. 408-422.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bagaev A.B. Military affairs of Ossetia of the XV-XIX centuries. // Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences / North Ossetian State University. K.L. Khetagurov. - Vladikavkaz, 2009. - 223 p.
2. Bagaev A.B. Armament and military art of Ossetians // Modern methodology and methodology of humanitarian research Materials of the First Winter School-Conference of Young Scientists. 2007. - P. 27-31.
3. History of South Ossetia in documents and materials (1864-1900). T.III. - Tskhinval: State Publishing House of South Ossetia, 1961. - 270 p.
4. Weapons // Ossetians / Otv. Ed. Z.B. Tsallagova, L.A. Chibirov. - Moscow: Nauka, 2012. - P. 268-273.
5. Pototsky NP Turkish guns during the war of 1877. Comparison of Turkish weapons with the Russian. - St. Petersburg: Printing house of the Panteleyev brothers, 1878. – 28 p.
6. Fedorov V.G. The history of the rifle. - M: Military Publishing, 1940. -127 p.
7. Khadikova A.Kh. Basic principles of the traditional system of socialization of Ossetians: Historical and genetic aspect // Modern problems of science and education. - 2014. - No. 1. ; URL: <https://www.science-education.ru/en/article/view?id=11819> (reference date: 16/09/2017).
8. Khadikova A.Kh. Traditional culture of communication of Ossetians: ethno-cultural features and origins of formation // Modern problems of science and education. - 2014. - No. 3. ; URL: <https://www.science-education.ru/en/article/view?id=13049> (date of circulation: September 16, 2017).
9. Reader on the history of the Ossetian people. T.I. / Comp. M.P. Sanakoyev. Tskhinval: Iriston, 1993. - 411 p.
10. Tsallagova I.N. Towards the Adaptation of Russian Borrowings in the Modern Dialects of the Digorian Version of the Ossetian Language // Scientific Review. Philological Sciences. - 2014. - No. 1. - P. 76-76; URL: <http://philology.science-review.ru/en/article/view?id=117> (reference date: 16/09/2017).
11. Tsallagova IN, Bagayev AB Characteristics of the lexical-semantic group "huzhtszhangars / weapons" in the Digorian version of the Ossetian language // All-Russian Miller Readings. 2016. No. 5. - P. 408-422.

**"PEABODY-MARTINI" RIFLE IN OPERATIONAL SERVICE WITH THE OSSETIANS
IN THE CONDITIONS OF PUBLIC MODERNIZATIONS**

Bagaev A. B.

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences

Armament supplies are an important part of the material component of the military culture of an ethnos. The issue of small arms with the Ossetians in the second half of the XIX - early XX centuries refers to poorly studied problems. In the XIX century, huge changes took place in ammunition in general and in gun systems in particular, the pace of modernization was so rapid that the emerging new systems became obsolete in a few years and were replaced by better samples. This work studies the issue of Peabody-Martini rifle, which at a certain time became one of the most widespread small arms systems with the Ossetians. On the basis of historical sources, the author revealed the time of appearance of this system of hand-held rifled-barrel gun with the Ossetians and the time of its prevalence. Besides, the work contains a detailed external and technical description of the rifle system in question.

Key words: Ossetians, Peabody-Martini, military culture, small arms, rifle.

Сведения об авторе:

Багаев Алан Батырбекович – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», 362040, Российская Федерация, г. Владикавказ, пр. Мира, 10, E-mail: alon.baga@mail.ru

Bagaev A. B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Pr. Mira, 10, Vladikavkaz, RF, 362040, Senior Researcher, Candidate of Sciences, E-mail: alon.baga@mail.ru

---

Ссылка для цитирования:

Багаев А. Б. Винтовка «пибоди-мартини» на вооружении у осетин в условиях общественных модернизаций // Гуманитарный научный вестник. 2017. №7. С. 4-10. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№7-Bagaev.pdf>

УДК 81

Структура и языковые особенности белуджского населения исторической области Белуджистана

Сатцаев Э. Б.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный
центр Российской академии наук»*

Белуджи являются одним из крупных ираноязычных народов. Они населяют значительный по площади регион в Западной Азии, исторически называемый Белуджистаном. Предки белуджи изначально проживали в северной части Ирана на юго-восточном побережье Каспия. В данное время белуджи проживают в Пакистане, Иране и Афганистане. У белуджей до наших дней сохранились остатки племенной организации. Большинство этого этноса занимается земледелием. В Пакистане белуджи считаются политически активным этносом, который немало влияет на политику этого государства. Белуджский язык входит в северо-западную подгруппу иранских языков. Однако, многие особенности белуджского языка сближают его с восточной подгруппой иранских языков.

Ключевые слова: белуджи, Хорасан, Белуджистан, Пакистан, брагуи, пуштуны, земледелие, скотоводство, контрабанда, белуджский язык, западноиранские языки, восточноиранские языки, геополитическая роль.

Белуджи – один из крупных ираноязычных народов, проживают в Пакистане, Иране и Афганистане. Общая численность белуджей составляет около 10-12 млн человек. Из них более 8 миллионов человек проживает в Пакистане, 1,5-2 млн человек – в Иране, 500-600 тыс. – живет в Афганистане, 350 тыс. – в Омане, более 120 тыс. – в Объединенных Арабских Эмиратах. Живут они также в Туркмении, Таджикистане, России, Индии и других странах [3, с. 28].

Первое упоминание о белуджах восходит в VII веку нашей эры. Предки белуджей изначально проживали в северной части Ирана на юго-восточном побережье Каспия.

В начале первого тысячелетия они двинулись в сторону Хорасана, далее – на юг в сторону Кермана. По мере роста численности белуджей им не стало хватать пастбищ и, уже в начале X века происходит первое передвижение части белуджских племен из Кермана на восток и юго-восток. К X веку белуджи достигли Синда, к концу XIV века – Пенджаба [1, с. 17-24]. К началу XV века окончательно сложился основной ареал расселения белуджей, который исторически называется Белуджистаном. Площадь этой историко-географической области составляет свыше 0,5 млн км² [1, с. 11-16].

Белуджистан делится на две части - Западный и Восточный. Восточный Белуджистан является частью Пакистана. Его площадь равна 347,9 тыс. км², что составляет свыше 43% площади этого государства (площадь Пакистана равна 803,9 тыс. км²) [1, с. 12].

Западный Белуджистан входит в состав Ирана, его площадь равна 178,4 тыс. км² [1, с. 11].

Часть белуджских исторических территорий входит в состав Афганистана.

Пакистан является одним из крупнейших государств в мире, площадь 803,9 тыс. км², население – более 190 млн человек. В административном отношении делится на четыре провинции – Белуджистан, Пенджаб, Северо-Западное Пограничная провинция и Синд [7, с. 111].

Четыре народа, относящихся к двум группам – индоарийской и иранской – пенджабцы, синдхи, пуштуны (патаны) и белуджи образуют 97,4% всего населения страны. Территориально иранские народы – пуштуны и белуджи занимают около 60% площади Пакистана [7, с. 123].

Пенджабцы составляют около 100 млн чел., синдхи – 25 млн чел., пуштуны – около 30 млн чел., белуджи – 7-8 млн человек.

Индоарийские народы живут в весьма густонаселенных районах Пакистана.

Крупнейшей провинцией страны является Белуджистан, и он малонаселен. Численность населения провинции составляет более 8 млн человек, главный город – Кветта – около 1 млн человек. Белуджи составляют 27-30% населения, брагуи – 20-22%, пуштуны – 23%, джаты – 9% [1, с. 40-41]. В пределах провинции белуджи живут повсеместно, однако есть районы, где они уступают брагуям и пуштунам (патанам). Например, в районах Сараван и Джалаван (центральная часть Белуджистана) большинство населения составляют брагуи. Отношения между брагуями и белуджами, как правило, были дружественными, история не припомнит какой-либо вражды между этими народами.

Брагуи – народ дравидийского происхождения. Брагуев со всех сторон окружают белуджи, и столетиями происходили процессы ассимиляции брагуев со стороны белуджей. Эти процессы продолжаются и сейчас, и в результате этого численность брагуев сравнительно медленнее растет. Сотни тысяч брагуев назвали себя белуджами [8, с. 318]. По свидетельствам брагуев, почти все они владеют белуджским языком. Общая численность брагуев превышает 3 млн человек.

Пуштуны преобладают на севере Белуджистана – Зхобе (Жоб) и в районах Кветта-Пишин, Лоралай и Сиби. Количество пуштунов в провинции не менее 1,5 млн человек. Пуштуны Белуджистана принадлежат к различным племенам. Такие пуштунские племена, как тарин, пани, какары и ванецы почти целиком живут на территории Белуджистана [1, с. 41-42]. Значительная часть племени ацакзай также живет на этой территории, однако немалая часть их живет и в пределах Афганистана.

Пуштуны Афганистана уже давно осели на землю и в большинстве своем занимаются земледелием. В городе Кветта и вокруг него пуштуны имеют значительное влияние, и пуштуны считают белуджей братским родственным народом.

Девять процентов пров. Белуджистан составляют джаты. Они разговаривают на пенджаби. Это – трудолюбивый народ, отличается умением вести сельское хозяйство. По религии – мусульмане.

Большинство джаттов живет в Келате, Сиби и Кач-Гандове.

В Пакистане большинство белуджей проживает за пределами пров. Белуджистана – в пров. Синд и Пенджаб.

В пров. Пенджаб белуджи населяют округа Дера-Гази-Хан, Музафаргах и Бахавалтур.

В пров. Синд белуджи обитают в Верхнем Пограничном Районе и Навабшахе.

Около 300-400 тыс. белуджей живет в городе Карачи. При этом численность их быстро увеличивается.

В пров. Пенджаб белуджи живут разобщенно, нередко на большом расстоянии друг от друга и не сохраняют племенное деление. В пров. Синд белуджи сохранили за собой земли в каком-либо определенном районе, сохраняя племенное деление.

В пров. Пенджаб и пров. Синд некоторая часть белуджей подверглась ассимиляции окружающих народов – синдхами и пенджабцами.

В гор. Караче белуджи живут чаще всего отдельными кварталами.

В Иране белуджи населяют крайний юго-восток страны (Иранский Мекран). Основное место расселения их совпадает с пров. (останом) Систан и Белуджистан.

Небольшое число белуджей живет в останах (провинциях) Керман, Хорасан и некоторых других районах страны [9, с. 360].

Данные о численности белуджей в Иране весьма недостоверны и они варьируют от 1,5 до 3 млн человек.

В Афганистане белуджи населяют юг и юго-запад страны. По сведениям афганских источников численность белуджей в стране до 600 тыс. человек, куда входят и брагуи, которые причисляют себя к белуджам.

У белуджей до наших дней сохранились остатки племенной организации, хотя их племена не являются кровнородственными коллективами.

Большинство белуджей занимается поливным земледелием и в меньшей мере – экстенсивным скотоводством. Полив опирается на подземные сборные галереи – кяризы.

Скотоводство у белуджей кочевое и полукочевое, однако, последние десятилетия кочевничество сходит на нет, и наблюдается тенденция перехода белуджей на оседлость [7, с. 146-147].

Многие белуджи-кочевники начали заниматься контрабандной торговлей. Часть бывших кочевников, осевших на землю, начала выращивать опийный мак. Немало белуджей занимается сбытом наркотических веществ. Уровень образования белуджского населения весьма низок, и белуджи контрабандную торговлю не считают противозаконной. Белуджи, занимая более 1000 км Мекранского побережья Индийского океана, столетиями занимались контрабандной деятельностью.

Сам Белуджистан – это обширная пустынная область, слабозаселенная и лишенная крупных экономических центров. Невысокие хребты разделяют на отдельные плато и долины, которые слабо связаны между собой. В регионе нет крупных рек с постоянным стоком. Маленькие оазисы разбросаны среди безбрежных пространств, пастбища пригодны в лучшем случае для выпаса мелкого рогатого скота. Летом жара невыносимая, а зимы ветреные и холодные.

Кяризы обеспечивают полив около половины засеваемой площади. Используют для орошения также паводковые и дождевые воды. Пашни обваловывают и террасируют. Все эти методы ирригации требуют большой затраты труда [7, с. 146].

Наиболее характерным деревом в долинах Белуджистана является финиковая пальма. Крупнейший из оазисов – Кветтинский. Здесь разводят сады и виноград. Климат этого района весьма благоприятный.

Шерсть – главный товарный продукт в хозяйствах белуджских кочевников. Высоко ценятся белуджские верблюды, которых разводят с целью продажи в другие районы.

В последние годы в Белуджистане начало развиваться горное дело. Добываются хромиты, уголь, сера и природный газ.

Белуджи разговаривают на белуджском языке. За пределами компактного населения в Белуджистане белуджский язык отмечается в Кермане и Хорасане. На территории западного Пакистана белуджский язык распространен в юго-западном Пенджабе и правобережном Синде. Однако в некоторых местах граница распространения белуджского языка доходит до левого берега Инда (город Музаффаргар).

Белуджский язык распространен также в южных районах Афганистана и даже в районе города Фарах [3, с. 28].

Немало населения разговаривает на белуджском языке в районе Аравийского полуострова.

Территориальная раздробленность белуджей, слабое развитие производительности сил, низкий культурный уровень препятствует росту национальной консолидации белуджей.

Белуджский язык распадается на несколько основных групп: северную или северо-восточную и южную или юго-западную («мекранскую»). Северо-восточные белуджские диалекты распространены к северо-западу Келата. Юго-западные – на территории Мекрана и Хорасана. К последней группе относится язык белуджей, Туркмении и России [3, с. 28-29].

По ряду признаков диалект белуджского языка белуджей России приближается к Панчгурскому диалекту (Пакистан).

Белуджская письменность не получила до недавнего времени большого развития, однако с середины XX века издается литература, журналы и газеты на белуджском языке (преимущественно в Кветте). В Кветте организована Белуджская Академия, ведутся радиопередачи [8, с. 316-319].

Значительная часть белуджей владеет наряду с персидским, урду и пушту языками. В то же время соседствующие с белуджами народы – пенджабцы, синдхи и пуштуны – часто владеют белуджским языком. Языки выше названных народов сравнительно сложны для овладения, белуджский же легко осваивается, и это, видимо, является причиной частого использования белуджского языка.

Белуджский язык относится к северо-западной группе иранских языков, с которыми объединяется по целому ряду фонетических и структурно-грамматических признаков, хотя географически он распространен на значительном расстоянии от основного компактного массива северо-западных иранских языков. Это объясняется миграцией белуджских племен в V-VIII веках и продолжавшейся до XVII-XVIII веков.

На западных диалектах говорят племена рахшани, западные инды, сангур, раис, каудаи, дашти и т.д. На восточных диалектах говорят племена марри, бугти, хетрани, лошари, восточные ринды, магаси, умрани, дришак и другие.

Диалекты белуджского языка изучены недостаточно, четких границ между территориями распространения не установлено, речь идет, скорее всего, о диалектных континуумах. Расхождения между западными и восточными диалектами значительны, однако взаимопонимание между их носителями достигается, хотя затруднено [3, с. 29].

Белуджская литература существовала многие века в устной форме в виде баллад и народных песен (лирических и героических). Наиболее значительные произведения были созданы на западных диалектах [3, с. 29].

Становление современного литературного белуджского языка началось в последние десятилетия 20 века. Особенно бурное его развитие отмечается после образования Пакистана (в 1947 году).

В основе складывающегося литературного белуджского языка лежат рахшанийские диалекты.

В Афганистане развитие литературного белуджского языка идет на основе диалектов афганских белуджей.

Белуджский язык преподается в университете города Кветты. Белуджский язык в научном плане изучается в России, Канаде, Пакистане и других странах [3, с. 29].

Белуджский язык имеет довольно простой фонетический состав. Спецификой консонантизма является наличие ретрофлексных (церебральных) $\ʈ$ и $\ɖ$.

Имена существительные имеют три формы: общую, форму единичности и форму множественности. Каждая из них имеет три падежа: прямой, родительный и винительный. Категория рода отсутствует.

Имена прилагательные имеют две формы: предикативную и атрибутивную. Глагол имеет две основы: настоящую и прошедшую. Будущее время образуется при помощи специфических окончаний [4, с. 88-93].

По нашим наблюдениям, по многим грамматическим особенностям и лексике белуджский язык является наиболее близким к осетинскому языку среди среднеиранских языков [10, с. 188-192]. Это, видимо, связано с тем, что белуджский язык восходит к одному из диалектов парфянского языка [3, с. 31]. Парфянское царство возникло в результате восстания среднеазиатских племен дахов. Один из вождей этого восстания по имени Аршаг основал династию Аршахидов, стоявшую во главе парфянского государства на протяжении почти пяти столетий. Парфянский язык принадлежит к северо-западной группе иранских языков.

В настоящее время территории древней Парфии соответствуют северо-восточной провинции Ирана, а также небольшая часть юго-западной Туркмении [2, с. 147].

В дошедших до нас письменных памятниках парфянский язык представлен в своем среднеиранском состоянии, т.е. уже очень далеко отошедшим от древнего иранского прототипа. В нем исчезла категория рода, фактически эмилинирована категория падежа, подверглась перестройке глагольная система.

Парфянский язык вышел из употребления предположительно в V-VI веках. Из современных иранских языков и диалектов наиболее близки к нему «центральные».

Среди парфян восточноиранский элемент отчетливо проявляется. Это, видимо, связано с тем, что в этногенезе парфян участвовали восточноиранские племена (массагеты, дахи, сарматы и другие).

Белуджи, занимая тысячекилометровое побережье открытого Аравийского моря, занимают весьма важное геополитическое положение. Этот район является одним из важнейших перекрестков путей сообщения. Это – выход из Персидского залива, крупнейшие порты Мумбай (Бомбей), Карачи. При этом белуджи живут на обоих берегах выхода из персидского залива.

Государство этого региона использует малоразвитое белуджское население для влияния на соседние государства. Например, Иран скрытно поддерживает движение белуджских организаций с целью давления на центральные властные структуры.

Сам Пакистан довольно безразлично смотрит на ситуацию на Ирано-Пакистанской границе, слабо контролируя эту границу. Белуджи активно используют эту границу для контрабанды товаров и наркотиков.

Афганистан заигрывает «своими» белуджами с целью давления на Пакистан и поощряет движения белуджей в пределах Пакистана. В противовес Пакистану Афганистан выделяет немало средств для политического и культурного развития афганских белуджей.

Учитывая рост национального самосознания и повышения грамотности белуджского населения в ближайшей перспективе следует ожидать политическую активность белуджей в регионе. Страны Запада, особенно США, пристально следят за процессами, происходящими в данном регионе. Белуджи, как основной этнос региона, будут активно вовлечены в геополитические процессы данного региона. Очередной раз ираноязычный народ окажется в водовороте политических процессов мирового масштаба, подобно курдам, пуштунам, осетинам и другим иранским народам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пикулин М.Г. Белуджи. М., 1959. 212 с.
2. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., «Наука», 1981. 544 с.
3. Языки мира: Иранские языки. II Северо-западные языки. М., «Индрик», 1999. 302 с.
4. Современный Иран (справочник). М., 1957. 720 с.
5. Байков В. В горах Белуджистана // журнал «Азия и Африка сегодня» №7, М., «Наука», 1983.
6. Ханьков Н.В. Записки по этнографии Персии. М., «Наука», 1977. 152 с.
7. Страны и народы. Зарубежная Азия. Южная Азия. М., «Мысль», 1982. 253 с.
8. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., «Наука», 1988. 490 с.
9. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., «Наука», 1986.
10. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Pikulin M.G. The Balochs. M., 1959. 212 с.

2. Fundamentals of Iranian linguistics. Middle Iranian languages. M., "Science", 1981. 544 p.
3. Languages of the world: Iranian languages. II Northwestern languages. M., Indrik, 1999. 302 p.
4. Modern Iran (reference book). M., 1957. 720 p.
5. Baikov V. In the mountains of Baluchistan // Journal of Asia and Africa today, No. 7, M., "Science", 1983.
6. Khanykov N.V. Notes on the ethnography of Persia. M., "Science", 1977. 152 p.
7. Countries and peoples. Foreign Asia. South Asia. M., "Thought", 1982. 253 p.
8. Oransky I.M. Introduction to Iranian philology. M., "Science", 1988. 490 p.
9. Brook SI The population of the world. Ethnodemographic reference book. M., "Science", 1986.
10. Abaev V.I. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Pointer. M., 1995.

STRUCTURE AND LANGUAGE PECULIARITIES OF THE BALUCHI POPULATION OF THE HISTORICAL REGION OF BALOCHISTAN

Satzayev E. B.

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences

Baluchis are one of the largest Iranian-speaking peoples. They inhabit a significant area in West Asia, historically called Balochistan. Balochs' ancestors originally lived in northern Iran on the south-eastern coast of the Caspian Sea. At present, Baluchis live in Pakistan, Iran and Afghanistan. Remains of the tribal organization have survived to the present day in Baloch. Most of this ethnos is engaged in agriculture. In Pakistan, Baluchi are considered to be a politically active ethnic group, which has a great influence on the policy of this state. The Baluchi language is included in the northwestern subgroup of the Iranian languages. However, many features of the Baluchi language bring it closer to the eastern subgroup of the Iranian languages.

Key words: Baloch, Khorasan, Baluchistan, Pakistan, braugui, Pashtun, agriculture, cattle breeding, smuggling, Baloch language, West Iranian languages, East Iranian languages, geopolitical role.

Сведения об авторах:

Сатцаев Эльбрус Батырбекович – старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», 362040, Российская Федерация, г. Владикавказ, пр. Мира, 10, E-mail: czallagon@mail.ru.

Satzayev Elbrus Batyrbekovich – Senior Researcher, Candidate of Philology, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Pr. Mira, 10, Vladikavkaz, RF, 362040, E-mail: czallagon@mail.ru.

Ссылка для цитирования:

Сатцаев Э. Б. Структура и языковые особенности белуджского населения исторической области Белуджистана // Гуманитарный научный вестник. 2017. №7. С. 11-18. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№7-Satzayev.pdf>

УДК 343

Теория уголовного наказания в России: от екатерининского «Наказа» до системных исследований начала XIX века

Упоров И. В.

Краснодарский университет МВД России

В статье раскрываются основные тенденции развития уголовно-правовой мысли в части теории наказания в России второй половины XVIII – начала XIX вв. Анализируется известный «Наказ» Екатерины II, сочинения А.Н. Радищева, О.Г. Горегляда, Г.И. Солнцева и других мыслителей. Отмечается, что труды императрицы Екатерины II и российских ученых стали той теоретической основой, на которой позже, уже со второй половины XIX в., начались системные исследования в области уголовного права в целом, были значительно углублены многие аспекты теории наказания и другие уголовно-правовые институты.

Ключевые слова: теория наказания, Наказ, устрашение, возмездие, уголовное право, преступление, цель.

Начало научному изучению права вообще, а в его рамках уголовного наказания в частности, было положено Екатериной II, которая, как известно, является автором значительного количества работ, имеющих научное значение. Так, в 1767 г. она публикует свой «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения» [8] (в дальнейшем – «Наказ»), который, как известно, во многом буквально воспроизводит мысли из трудов Монтескье («О духе законов»), Беккариа («О преступлениях и наказаниях»). Однако это обстоятельство, по справедливому замечанию известного российского криминалиста Н. Неклюдова, не умаляет достоинств «Наказа», поскольку, во-первых, он образует собой эпоху в истории развития уголовных начал в России и, во-вторых, «представляет собой первую русско-законодательную попытку построить Уголовное уложение на твердых и единых началах теории» [6, с. 174] (мы особо подчеркиваем последнее). Кроме того, в «Наказе» немало и собственных мыслей просвещенной императрицы. В контексте исследуемой проблематики интерес в «Наказе» представляет прежде всего глава X: «Об обряде криминального суда», где затрагиваются многие вопросы уголовного права.

Так, «Наказ» предписывает применять наказания с осторожностью (ст. 208) и дает специальные пояснения, указывая, в частности, что смертная казнь возможна только в одном случае, когда гражданин, будучи лишен свободы, «имеет тем не менее средства и власть, могущие возмутить народное спокойствие» (ст. 210), а по поводу телесных наказаний отмечается, что из них должны быть исключены изувечивающие (ст. 217). При этом нужно иметь в виду, что в отношении телесных наказаний гуманность, проявленная в «Наказе», была отно-

сительной, поскольку для той эпохи они были привычными. Так, при всем «человеколюбию» Екатерины II при ней применялись «рвание» ноздрей в случае осуждения к ссылке и каторге [11, с. 517]. Другие вопросы наказания в «Наказе» определены следующим образом: «если бы даже жестокость наказаний не была отвергнута добродетелями, то к отрицанию оной довольно было бы и того, что она бесполезна, а следовательно и несправедлива» (ст. 85); «надлежит, чтобы оно (наказание – авт.) было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умеренное, сколь можно, при данных обстоятельствах, уравненное с преступлением и точно показанное в законе» (ст. 200); «намерение установленных наказаний не то, чтоб мучить тварь, чувствами одаренную, они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу и чтоб отвратить сограждан от содеяния подобных преступлений. Для сего между наказаниями следует употреблять такие, которые ... впечатляли бы в сердцах людских начертание самое живое и долго пребывающее, и в то же самое время были бы меньше люты над преступниковым телом» (ст. 205) и др.

Как видно, речь идет об институте наказания. Что касается института преступления, то об этом «Наказ» умалчивает. Данное обстоятельство может быть объяснено, очевидно, тем, что в целом в истории уголовно-правовой теории вопросы теоретического конструирования составов преступлений и их квалификации стали исследоваться позже, чем уголовное наказание как реакция общества и государства на совершение общественно опасных деяний. Тем не менее нельзя не признать, что «Наказ» сыграл огромную роль в формировании российского правосознания конца XVIII в. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивал важнейшее значение этого документа в развитие науки уголовного права. В частности, «Наказ» впервые формулирует другую, помимо уже известных возмездия и устрашения, цель наказания, а именно – охранение общества от преступлений (ст. 144–147). Иногда, писал далее этот автор, проскальзывает в «Наказе» мысль о том, что цель наказания есть «возвратить заблудшие умы на путь правый» (ст. 84). Поэтому «Наказ» более рассчитывает на предупредительные меры, чем на карательные (ст. 83) и не рекомендует в законе деяний безразличных (ст. 242), требует, чтобы закон не благодетельствовал одним во вред другим (ст. 243), чтобы просвещение распространялось между людьми (ст. 245) [2, с. 372]. В данном случае в роли ведущего ученого-правоведа выступала сама Екатерина II, что само по себе представляло уникальный случай в Европе.

В XVIII в. помимо Екатерины II появилось лишь несколько серьезных имен, занимавшихся правовыми вопросами. Среди них прежде всего следует назвать В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, С.Е. Десницкого. Эти ученые предлагали, в частности, составить новое уложение – взамен Соборного уложения 1649

г., причем подчеркивалось, что новое уложение должно быть написано более ясным, понятным народу языком, считали необходимым резко ограничить применение смертной казни [5, с. 340-362]. Я.П. Козельский и А.Н. Радищев выступали, в частности, за раскрепощение личности и защиту ее прав и свобод, независимо от сословной принадлежности, отмену телесных наказаний. Например, А.Н. Радищев писал, что прежде чем наказывать преступников, надо уничтожить общественную основу преступлений. Правило всякого законоположения, указывал Радищев, состоит в том, «что лучше предупреждать преступления, нежели оные наказывать» [10, с. 405].

И хотя эта мысль не была нова, важно, что она вновь прозвучала в России. Видя конечные причины преступности в самом социальном строе неравенства и угнетения, Радищев считал, что правом на наказание обладает лишь тот, кто «долг имеет пещися о благе общества» [10, с. 231]. Целью наказания, по мнению Радищева, является не мщение (оно всегда гнусно), а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления» [10, с. 232]. Далее, развивая эту мысль, он отмечал, что «верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сия суть: 1) воспретительные; 2) побуждающие; 3) предупреждающие. Воспретительные средства суть положенные в законе наказания, побудительные - суть награждения разного рода... предупредительные средства, исключая некоторые, относятся наипаче к средствам охранительным, как-то суть: ... к постановлениям, касающимся или до воспитания народного вообще, или до учрежденных училищ и пособий и учености, или до постановлений, определяющих общие мнения» [10, с. 404]. В целом Радищев рассматривал наказание как охранительную функцию: «казнь законная» не есть иное что, как ограда прав и общих и частных, и оплот, постановленный против пороков, всё растлевающих, против неистовства нарушившего, против буйства, всё опровергающего, против неправды, злобы и пагубных их следствий, против злодейств и преступления».

Что касается дальнейшего развития уголовно-правовой мысли в России начала XIX вв., то оно связывается с именами Ф. А. Баузе, М. С. Неймана, С. Е. Десницкого Ф.В. Ушакова, Н.С. Мордвинова, А.П. Куницына, О.Г. Горегляда, Г.И. Солнцева, Н.В. Духовского, А.С. Чебышева-Дмитриева, Н.И. Тургенева, декабристов и др. Так, Ф.В. Ушаков считал, что особое влияние на человека, на его душу оказывает не суровость (строгость) наказания, которое при смертной казни мгновенно, а продолжительность наказания, при которой преступник может обдумать свой поступок, раскаяться, а потому длительные наказания действуют на человека сильнее. Н. С. Мордвинов писал о том, что «мера наказания тогда токмо

праведна, когда соуравнена преступлению» [1, с. 469]. С.Е. Десницкий полагал, что при определении цели наказания следует учитывать значение этого института для предупреждения преступлений, а для этого нужно воспитывать в народе уважение к законам и требовать их соблюдения. Наказание, по его мнению, должно устрашать, но одновременно оно только тогда достигает цели, когда общественное мнение одобряет избранную в приговоре меру наказания. И. Нейман исходил из того, что предметом уголовных законов должно быть изложение преступлений и определенных за них наказаний. Уголовное право он делил на собственно уголовное (законы о преступлениях и наказаниях) и на устав об уголовном судопроизводстве. Собственно уголовное право, в свою очередь, он делил на Общую и Особенную части. Рассматривая Общую часть, он подчеркивал, что право государства наказывать лиц, совершивших преступление, основывается на необходимости охранять безопасность в государстве, и поскольку это же является целью уголовных законов, то нужно выбирать лучшее средство для сохранения безопасности [9, с. 469].

В первой трети XIX в. существенное влияние на правовую мысль и правовую политику оказывал государственный деятель и выдающийся российский юрист М.М. Сперанский. Он признавал уголовными наказаниями только те, «кои удручают или умаляют бытие или состояние лица». Уголовные наказания, считал М.М. Сперанский, должны быть разделены на три вида - соответственно "жизни физической, политической и гражданской". Он полагал, что главной целью наказания является общее предупреждение. Вместе с тем М.М. Сперанский считал, что наказание, как последствие вменения, является «возбуждающим средством», воздействующим на разум человека и заставляющим его (разум) правильно воздействовать на волю. Считая наказание побудительной силой для исполнения законов, он придавал особое значение правильно построенной системе наказаний. Сложность построения такой системы Сперанский видел в том, что наказания должны правильно сочетаться не только с преступлениями, но они должны быть соразмерны со степенью народного образования, нравственностью и свойствами, а также со многими местными обстоятельствами. При этом полагал необходимым выделять три «меры»: «мера важности нарушенного права», «мера причиненного вреда», «мера опасности союзам общежития» [13, с. 159-164].

Довольно подробно вопросы уголовного права исследовал О. Г. Горегляд. В 1815 г. был издан его труд, которая является первым опытом научной, догматической разработки общей части русского уголовного права [3]. Продолжая гуманитарное направление в русской науке уголовного права, он отмечал, что задачей

наказания должно быть лишение или умаление чести преступника, а не причинение ему физических страданий, а само наказание определял как «зло физическое или нравственное, налагаемое за преступление». Несколько позже в России был издан первый учебник по уголовному праву. Его автором был Г.И. Солнцев, однако эта работа, обнаруженная в архиве и датированная 1820 г., была опубликована лишь в 1907 г. [12] Здесь уже налицо определенная стройность курса общей части уголовного права. Обращает на себя внимание хорошее знание Г. И. Солнцевым новейшей западноевропейской уголовно-правовой литературы, на которую он не только ссылается в своей работе, но и которую он критикует, высказывая по многим вопросам самостоятельные суждения. Заметное место в правовой мысли России первой половины XIX в. занимал А.П.Куницын. По поводу уголовного наказания он писал, что его «не должно почитать нравственным возмездием, которое производимо быть может только по законам нравственным, а не по законам права. Чтобы определить нравственное возмездие и меру оно, надлежит знать, сообразно ли человек поступал с законами своей совести или как далеко от них удалился, чего суд человеческий определить не может. Никто даже о себе с точностью сказать не может, как нравственно поступил в каком-либо случае» [7, с. 152]. Он обосновывал право государства наказывать, исходя из теории естественного права и общественного договора, хотя и пользовался термином «возмездие».

Профессор Санкт-Петербургского университета П.Д.Лодий в своей работе «Теория общих прав» (1828 г.) считал, что подданных можно удерживать от совершения преступлений только тремя принудительными способами - нравственным, физическим и психологическим. Психологическое принуждение состоит в «представлении зла с противозаконным действием неминуемо сопряженного». Считая главной ближайшей и правомерной целью угрозы применения наказания «удержание всех возможных преступников от нарушения прав силою психологического принуждения», П. Д. Лодий полагал второстепенными такие цели наказания, как: исправление преступника и удержание его от совершения других преступлений; удержание других людей от будущих преступлений и удовлетворение. Он считал эти цели наказания несущественными и несвойственными конкретно применяемому наказанию, поскольку «исправление, отвращение страхом и предупреждение может быть целью наказания, но только постороннюю и при этом более целью учреждения, нежели причиняемого наказания». Другой российский правовед Н.И.Тургенев считал главным в уголовном праве вопрос о наказании, а вопрос о преступлении производным от этого главного. Во всех своих рукописях юридических работ он начинал рассмотрение вопроса о наказании с определения «понятия о наказании вообще» [4, с. 53]. Под наказанием Н.И.

Тургенев понимал «зло, причиняемое человеку единственно вследствие противозаконного его действия». Наказание состоит, по его мнению, в удовлетворении преступником требований общества за содеянное преступление. Однако Н.И. Тургенев указывает, что исполнение преступником требования права общественного не нарушает прав частных людей на удовлетворение. Все частные требования отдельных людей к преступнику остаются в силе, т.е. право требования возмещения вреда, причиненного преступлением отдельному человеку, не уничтожается вместе с исполнением наказания над этим преступником. Противозаконное действие человека должно содержать в себе причину наказания. Наказание уголовное, или казнь, следует отличать от других мер принуждения, применяемых в обществе.

Труды императрицы Екатерины II и указанных российских ученых стали той теоретической основой, на которой позже, уже со второй половины XIX в., начались системные исследования в области уголовного права в целом, были значительно углублены многие аспекты теории наказания и другие уголовно-правовые институты. Одновременно наши отечественные правоведы показали и подтвердили высокий уровень российской уголовно-правовой мысли, традиции развития которой сохраняются до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив графов Мордвиновых. Т.9. СПб., 1910. С. 469.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1892. С. 372.
3. Горегляд О.Г. Опыт начертания российского уголовного права. Ч.1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815.
4. Дегтярев А.А. Развитие института уголовного наказания в российской империи (XIX – начало XX вв.) (историко-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 53.
5. История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1990. С. 340–362.
6. Комментарий к кн.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1865. С. 174.
7. Куницын А. Право естественное. Ч.1. М., 1817. С.52.
8. Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под. ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.
9. Нейман И. Начальные основания уголовного права СПб., 1814.
10. Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949. С.405.
11. Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 517.
12. Солнцев Г. Российское уголовное право. Ярославль, 1907.
13. Солодкин И. И. Некоторые вопросы уголовного права и законодательства в работах М. М. Сперанского // Правоведение. 1965. № 1. С. 159 – 164.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arhiv grafov Mordvinovyh. T.9. SPb., 1910. S. 469.
2. Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. SPb., 1892. S. 372.

3. Goregljad O.G. Opyt nachertanija rossijskogo ugovnogo prava. Ch.1. O prestuple-nijah i nakazanijah voobshhe. SPb., 1815.
4. Degtjarev A.A. Razvitie instituta ugovnogo nakazaniya v rossijskoj imperii (H1H – nachalo H vv.) (istoriko-pravovoj aspekt). Dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2003. S. 53.
5. Istorija politicheskikh i pravovyh uchenij / Pod red. V.S. Nersesjanca. M., 1990. S. 340–362.
6. Kommentarij k kn.: Berner A.F. Uchebnik ugovnogo prava. Chasti Obshhaja i Oso-ben-naja. SPb., 1865. S. 174.
7. Kunicin A. Pravo estestvennoe. Ch.1. M., 1817. S.52.
8. Nakaz Imperatricy Ekateriny II, dannyj komissii o sochinenii proekta novogo Ulozhenija / Pod. red. N.D. Chechulina. SPb., 1907.
9. Nejman I. Nachal'nye osnovanija ugovnogo prava SPb., 1814.
10. Radishhev A.N. Izbrannye filosofskie sochinenija. M., 1949. S.405.
11. Sergeevich V.I. Lekcii po istorii russkogo prava. SPb., 1890. S. 517.
12. Solncev G. Rossijskoe ugovnoe pravo. Jaroslavl', 1907.
13. Solodkin I. I. Nekotorye voprosy ugovnogo prava i zakonodatel'stva v rabo-tah M. M. Speranskogo // Pravovedenie. 1965. № 1. S. 159 – 164.

THE THEORY OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIA: BY CATHERINE "MANDATE" TO THE SYSTEM RESEARCH BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Uporov I. V.

Krasnodar University of the MOI of Russia

The article reveals the basic tendencies of development of the criminal law of the ideas in the theory of punishment in Russia in the second half of HU111 - early H1H centuries. Analyzes the famous "Mandate" Catherine 11, works AN Radishchev, OG Goreglyad, GI Solntsev and other thinkers. It is noted that the work of Catherine 11, and Russian scientists began that the theoretical basis on which later, in the second half H1H., Began systematic research in the field of criminal law as a whole, were considerably deepened, many aspects of the theory of punishment and other penal institutions .

Keywords: theory of punishment, judgment, intimidation, retaliation, criminal law, crime, the goal.

Сведения об авторе:

Упоров Иван Владимирович, д.и.н., к.ю.н., профессор, Краснодарский университет МВД России, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. E-mail: uporov@list.ru

Uporov Ivan, D.Sc., Ph.D., Professor, Krasnodar University of the MOI of Russia, 350005, Krasnodar, ul. Yaroslavl, 128. E-mail: uporov@list.ru

---

Ссылка для цитирования:

Упоров И. В. Теория уголовного наказания в России: от екатерининского «Наказа» до системных исследований начала XIX века // Гуманитарный научный вестник. 2017. №7. С. 19-25. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№7-Uporov.pdf>

УДК 1751

Проблема определения слова как базовой единицы языка и особенности лексической семантики

Урюпина Т. М.

Оренбургский государственный медицинский университет

Предметом данного исследования является слово как базовая единица языка и особенности его семантики. Целью исследования было изучить научные работы известных лингвистов классической и современной школы и доказать, что слово по праву можно считать базовой единицей языка, а особенности лексической семантики требуют дополнительного и подробного изучения. Задачами исследования являлись анализ научных лингвистических исследований о слове, рассмотрение всех точек зрения на проблему места слова в лингвистике, характеристика лексической семантики как области лингвистической науки в целом. Материалом исследования послужили научные труды лингвистов, анализ которых проводился описательным, структурным и сопоставительным методом. В результате исследования было доказано, что, несмотря на разницу во взглядах на слово у многих учёных, слово действительно можно считать базовой единицей языка, а лексическая семантика является полноправным и значимым ответвлением семантики как науки.

Ключевые слова: слово, семантика, лексема, семема, язык, лексическая семантика.

Термин «слово» понятен каждому человеку. Мы с самого рождения привыкли называть словами предметы, абстрактные понятия, выражать своё эмоциональное состояние. Именно слово определяет характер того или иного языка по отношению к другим знаковым системам. Однако слово именно как языковая единица считается явлением, изученным не в полной мере. В данной статье мы резюмируем представления о слове у исследователей классической и современной лингвистической школы, соотносим важность четкого определения функций и свойств слова в речи с проблемой семантических значений слова.

В.В. Виноградов видит проблему в определении слова в существенной разнице между современным понятием слова и его пониманием на других стадиях исторического развития языка [2, с.16]. По его мнению, компоненты слова не могут быть одинаковыми в системах разных языков, о чём он пишет в своих работах, в частности в «Грамматическом учении о слове», выпущенном в 1986 г [2, с.16]. В этом же труде учёный цитирует высказывание Ф. де Соссюра о слове, суть которого в том, что мы используем в языке единицы, которые до конца не определены [2, с.17]. А. Нореин давал определение слову как «независимой морфемы», которую мы в процессе коммуникации воспринимаем как целое. Но А. Нореин не учитывал в своём определении значения составных частей каждого слова, которые порой имеют очень большое значение для понимания смысла. Например, открыть – приоткрыть, где добавление префикса существенно меняет смысл слова [2, с.18]. Сепир считал слово мельчайшей самостоятельной смысловой единицей предложения, но и его определение не смогло вместить все типы

слов, так как есть слова, являющиеся лишь морфемами. Для А.И. Смирницкого слово интересно с точки зрения его формальных, грамматических признаков [2, с.19]. В.В. Виноградов, анализируя данные подходы к определению слова, пришёл к выводу, что в русском языке слишком большое многообразие типов слов без наличия в них каких-либо устойчивых признаков, чтобы все слова имели смысл или являлись членами предложения. По его словам, определение слова как формы отношений морфем и предложений, являющейся основной функциональной единицей речи удобно, но не включает в себя ни смысловое содержание слова, ни способы выражения значений [2, с.23-24]. Другой крупный учёный, занимающийся вопросами лингвистики, Н.М. Шанский в «Лексикологии современного русского языка» пишет, что сложности в определении слова как единицы лингвистики заключаются в том, что для того, чтобы дать правильное определение слова, необходимо учитывать все его основные признаки, необходимые для отграничения слова от других лингвистических единиц. Такими основными признаками он называет, в числе прочих, семантическую валентность, лексико-грамматическую соотнесённость, постоянство звучания и значения, номинативность [10, с.181-183]. Но, как правило, при попытках дать определение слову используют лишь некоторые из данных признаков (компонентов), что не отражает полный характер слова. М.А. Кронгауз доказывает, что слово по праву можно считать базовой единицей языка. Несмотря на то, что оно не является минимальной единицей и делится на различные морфемы, именно на слове основаны все языковые описания, входящие в различные словари, которые являются списком слов [3, с.73-74]. Говоря о слове, как об основной лексической единице, учёные имеют ввиду, что помимо основной лексической единицы, в русском языке присутствуют так называемые элементарные единицы, которые определяют слово в одном конкретном его значении. О том, что нужно выделить основные и элементарные лексические единицы говорили такие учёные как В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, А.М. Пешковский, который делил лексические единицы на «слово-тип» и «слово-член» [6, с.96]. Они пытались разграничить понятия слова как языковой единицы, имеющей формальный признак и слова как единицы, обладающей значением. Слово они называли основной единицей в лексикологии, а лексико-семантический вариант слова, которым является «слово-понятие» – элементарной лексической единицей языка. В.В. Виноградов у самых истоков своей работы со словом и его составляющими разграничивал понятия лексема и слово, потом объединил лексему и слово в одно понятие «слово» и добавил лексическую форму слова [2, с. 21-23]. По мнению Л.А. Новикова лексико-семантический вариант слова представляет собой соотношение всех грамматических форм слова и его базового значения [5, с.109]. Основная лексическая единица

(слово) – система элементарных лексических единиц, имеющих одинаковое грамматическое значение, но часто различающиеся в лексическом значении. Учёные сходятся во мнении касательно того, что слово первично как знак, потому что другие лингвистические знаки могут существовать в языке только как производные слова. В большинстве своём все определения слова сводятся к описанию внешних (фонетических) и внутренних (грамматических и лексико-семантических) свойств слова.

М.А. Кронгауз считает, что все свойства, которые выделяют у слова как у знака, можно применить и к его значению. Ведь значение одной конкретной морфемы в слове мы можем выяснить, только сделав полный семантический анализ всего слова, как и значение предложений мы устанавливаем, разбирая значение каждого слова в этом предложении [3, с.187]. Вопрос о семантике слова является основным при изучении свойств слова у таких крупнейших учёных-лексикологов как В.В. Виноградов, Е. Курилович, Д.Н. Шмелев, Н.М. Шанский, М.А. Кронгауз и других. В.В. Виноградов первым обратил внимание на то, что под значением слова нужно понимать не только узкое понятие, выражающееся конкретным словом, но также брать в расчёт зависимость слова от признаков части речи и грамматической категории, к которым оно относится [1, с.182]. И абсолютно всегда, давая слову определённое лексическое значение, нужно руководствоваться характером культурных особенностей времени и опытом носителей языка. Эту идею поддержал Н.М. Шанский, говоря о том, что при определении лексического значения слова неверно брать во внимание только лишь его номинативные признаки, потому что они определяют лишь базу значения слова. В процессе употребления эти же номинативные признаки могут характеризовать и другие объекты действительности. Именно поэтому определение слова только лишь по его номинативным признакам является расплывчатым, в то время как реальное значение слова должно носить конкретный характер [10, с.106]. Вслед за ними Е. Курилович в «Очерках по лингвистике» касается проблемы лексического значения слова при изучении частей речи. Частями речи он называет категории слов, которые имеют общее лексическое значение и конкретную роль в структуре предложения. Проблему в определении лексического значения слова учёный видел в проблеме метода, так как если мы принимаем для слова одно общее базовое значение, то должны быть готовы к тому, что оно всегда будет содержать в себе одно или более дополнительных значений. Сама проблема метода заключается в определении этого базового значения на материале таких данных о языке как памятники и диалектические записи [4, с. 293].. Каждый из вышеназванных учёных в своих работах говорил о важности контекста для правильного определения лексического значения слова, так как полное значение

слова состоит из самостоятельных элементов слова и элементов, которые придаёт ему контекст. Вне контекста, по мысли Н.М. Шанского, значение слова можно определить только приблизительно [10, с.95]. В.В. Виноградов понимал под лексическим значением предметно-вещественное содержание слова, зависящее от законов грамматики конкретного языка и являющееся частью семантической системы лексики этого языка [1, с.73], но в более позднем труде Д.Н. Шмелёв конкретизирует эту мысль, говоря, что общее лексическое значение часто является совокупностью нескольких возможных значений, которые характеризуют слово как единое смысловое целое [11, с.138]. В современных лексикологических исследованиях часто встречаются термины «семантика слова», «семантическое значение слова», что является синонимичным понятию лексического значения слова.

Лингвистическая семантика как наука имеет разные объекты изучения, и, в связи с этим, разделяется на лексическую и грамматическую семантику.

Лексическая семантика изучает предметное (лексическое) значение слов, то есть характеризует слово с его различными формами и показывает отличие конкретного слова от других, близких по смыслу. Лексическая семантика, по мнению М.А. Кронгауза, преследует две общих для языка цели. Первой целью учёный обозначает семантическое понимание слов конкретного языка. Данная цель достигается в содержании толковых словарей. Вторая цель заключается в описании семантических отношений между словами [3, с.149].

Объектом грамматической семантики являются те свойства единиц, которые проявляются при изменении слова по различным формам (число, падеж).

В каждом слове выделяют свою смысловую структуру. Продолжая научные идеи Н.И. Толстого и других учёных, Л.А. Новиков предлагает использовать термины лексема и семема, где лексема – объединение возможных грамматических форм слова и его лексико-семантических вариантов, то есть формальная оболочка слова, а семема это основное значение слова. Отмечается, что разница между словом и его лексико-семантическим вариантом заключается в том, что лексико-семантический вариант слова показывает соотношение лексемы и семемы, а слово как базовая единица языка добавляет к этому соотношению все формы семем данной лексемы. Форма лексемы, конкретно используемая в контексте, называется лексой. Лексемы и семемы не являются минимальными языковыми единицами. Лексемы могут делиться на морфемы, которыми являются приставки, суффиксы, корни, семемы – на семы, являющиеся минимальными значимыми единицами языка. Семы имеют способность объединяться в общие семы, которые могут отражать значение целого класса слов и называются архи-семами. В языке чаще используется слово в его лексико-семантическом варианте

как единица, которая передаёт наиболее конкретное значение слова, потому что по своей сути слово является соотношением различных грамматических форм лексем к различным семемам. Все лексико-семантические варианты слов связаны категориальными лексико-семантическими отношениями, такими как полисемия, омонимия, антонимия, из которых выделяют лексико-семантические классы антонимов, омонимов, синонимов. К каждому лексико-семантическому классу принадлежат языковые единицы, имеющие общие значения, формы или функции в речи [5, с.137].

Существуют слова, имеющие одно значение, или семему. Однозначное слово имеет в своем составе один лексико-семантический вариант. Но наибольшее количество слов в русском языке - это слова, которые имеют в своем составе несколько связанных между собой значений (многозначные слова).

А.А. Потебня говорил, что помимо семемы, или значения, у каждого слова есть так же внутренняя форма, которая показывает, каким способом отражается в семантике слова окружающая действительность. Именно через внутреннюю форму находит выражение культурная составляющая языка, так как одно и то же слово может иметь сходное значение во многих культурах, но иметь разную внутреннюю форму, отражающую национальное сознание конкретного народа [8, с.96]. В.В. Виноградов в своих трудах говорит о том, что все значения многозначных слов связываются друг с другом по внутренней форме, образуя тем самым последовательность, при которой одно значение выполняет роль внутренней формы для другого значения [1, с.138]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что все значения многозначного слова могут иметь разные компоненты в составе, но быть связанными представлениями, которые возникают в сознании человека в зависимости от менталитета и жизненного опыта.

Таким образом слово по праву можно считать базовой единицей языка, в соответствии с которой выделяются минимальные и максимальные единицы. Семантикой может обладать как все слово, так и его составляющие минимальные части, семантика так же присуща и предложениям и целым текстам. Вопрос о типах лексической семантики является обширным и требующим дополнительного исследования, так как эволюционировал от классического понимания лингвистики до современного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. тр. / В.В. Виноградов; Отв. ред. [и авт. предисл.] В.Г. Костомаров ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. М. : Наука, 1977. 310 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г. А. Золотовой. М.: Рус. яз., 2001. 712 с.
3. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

4. Курилович Е. Очерки по лингвистике [Текст]: Сборник статей: [Пер. с польского, фр., англ., нем.]. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 456 с.
5. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа. 1982. 272 с.
6. Пешковский А.М. Избранные труды. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1959. 252 с.
7. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт. 1999. 300 с.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 262 с.
9. Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. Пер. с франц. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
10. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 312 с.
11. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: URSS, 2017. 280 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vinogradov V.V. Lexicology and lexicography: selected works / V.V. Vinogradov; Executive Ed. [and the author. preface.] Kostomarov; Academy of Sciences of the USSR, Department of Literature and Language. M.: Science, 1977. 310 p.
2. Vinogradov V.V. Russian language (grammatical doctrine of the word) / edited by G. A. Zolotova. M. : Rus. Lang., 2001. 712 p.
3. Cronhaus M.A. Semantics. M.: Publishing Center "Academy", 2005. 352 p.
4. Kurilovich E. Essays on linguistics [Text]: Collected papers: [Transl. from Polish, French, English, German]. M.: publishing house of foreign literature., 1962. 456 p.
5. Novikov L.A. Semantics of the Russian language. M. : High School. 1982. 272 p.
6. Peshkovsky A. M Selected works. M. : State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1959. 252 p.
7. Potebnya A.A. Thought and language. M. : The Labyrinth. 1999. 300 p.
8. Tolstoy N.I. Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. M. : Indrik, 1995. 262 p.
9. Ferdinand de Saussure. Works on linguistics. Translation from french by A.A. Kholodovich. M.: Progress, 1977. 696 p.
10. Shansky N.M. Lexicology of the modern Russian language. M.: The Librokom Book House, 2009. 312 p.
11. Shmelyov D.N. Problems of semantic analysis of vocabulary. M. : URSS, 2017. 280 p.

THE PROBLEM OF DEFINITION OF WORDS AS THE BASIC UNIT OF LANGUAGE AND THE FEATURES OF LEXICAL SEMANTICS

Uryupina T.M.

Orenburg State Medical University

The subject of this study is the word as the basic unit of language and features of its semantics. The aim of the research was to study the scientific works of famous linguists of the classical and modern schools and prove that the word can rightly be considered the basic unit of language, and the peculiarities of lexical semantics require additional and detailed study. The research tasks were the analysis of scientific linguistic studies on the word, the consideration of all points of view on the problem of the place of a word in linguistics, and the characteristic of lexical semantics as a field of linguistic science as a whole. The material of the research was the scientific works of linguists, the analysis of which was conducted using a descriptive, structural and comparative method. As a result of the research it was proved that, despite the difference in views on the word among many scientists, the word can really be considered the basic unit of language, and lexical semantics is a full and significant branch of semantics as a science.

Keywords: word, semantics, lexeme, semen, language, lexical semantics

---

Сведения об авторе:

Урюпина Татьяна Михайловна – должность: ассистент кафедры русского языка, Оренбургский государственный медицинский университет, Советская ул., 6, Оренбург, Оренбургская обл., 460000, E-mail: furia_88@mail.ru.

Uryupina Tatyana Mikhailovna - post: assistant of the Russian language department, Orenburg State Medical University, Sovetskaya str., 6, Orenburg, Orenburg region, 460000, E-mail: furia_88@mail.ru.

Ссылка для цитирования:

Урюпина Т. М. Проблема определения слова как базовой единицы языка и особенности лексической семантики // Гуманитарный научный вестник. 2017. №7. С. 26-32. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№7-Uryupina.pdf>

УДК 159.9

Субъективный образ детства у современных родителей как основа формирования образовательной среды ребенка

Андреева А.Д.

ФГБНУ «Психологический институт РАО»

В статье анализируются результаты эмпирического исследования, направленного на изучение субъективного образа детства у родителей, чьи дети поступают в школы, реализующие образовательные программы разного уровня сложности. Полученные данные, касающиеся структуры и содержания социальных представлений родителей будущих первоклассников об основных понятиях, входящих в смысловое поле проблемы детства, позволили создать описательные модели образа детства, характерные для родителей, выбравших для своих детей обычную общеобразовательную школу или школу с повышенными требованиями к способностям ребенка. Используемый метод прототипического анализа показал высокую чувствительность к различиям в структуре социальных представлений респондентов, живущих в одной культурной среде, но имеющих разные ценностные ориентиры и целевые установки.

Ключевые слова: детство, психологический образ, социальные представления, родители, образовательная среда.

Введение. Актуальность изучения структуры и содержания образа детства у современных родителей обусловлена значительными переменами, происходящими в обществе префигуративной культуры, существенно меняющими социальную ситуацию современного детства. Стремительные изменения экономической, технологической и коммуникационной среды общества, размывание границ детского и взрослого мира, нарушение традиции передачи родительского опыта, необходимость поиска новых моделей и способов родительского поведения оказывают заметное влияние на понимание взрослыми ценности детского периода жизни современного человека.

Родительские представления о том, чем должно быть наполнено детство современного ребенка, какое место в нем занимают разные виды детских деятельностей, какова роль семьи и школы в подготовке ребенка к будущей жизни составляют основное содержание субъективного психологического образа детства. Образ детства опосредует поведение родителей, выступая регулятором их мотивационно-потребностной сферы и являясь одним из факторов выбора формы обучения и образовательной программы для ребенка. Большинство семей осуществляет подобный выбор на этапе перехода от одной ступени образования к другой: от дошкольного звена к школьному, от начальной школы – к средней, и по завершении основного общего среднего образования, то есть после 9 класса.

В данной статье будут представлены результаты эмпирического изучения структуры и содержания социальных представлений родителей будущих перво-

классников об основных компонентах детства. Полученные материалы позволили нам реконструировать описательные модели образа детства, характерные для родителей, выбравших для своих детей обычную общеобразовательную школу или школу с программами повышенной сложности.

Концепция социальных представлений была разработана во второй половине XX столетия в рамках французской социально-психологической школы С.Московичи [8]. Согласно С.Московичи, социальные представления – это общественное обыденное сознание, в котором очень сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения (отчасти иррациональные), идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и во многом составляющие социальную реальность.

Под социальным представлением в концепции Московичи понимается сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной коммуникации. Полноценное функционирование человека возможно только в том случае, если он понимает смысл происходящих событий, может объяснить их в соответствии с имеющейся у него картиной мира, собственным мировоззрением.

Социальные представления – основной элемент группового сознания, в них выражено отношение определенной группы к тому или иному объекту. Поэтому социальное представление выражает не индивидуальное мнение человека, а его мнение как члена группы, класса, структуры. Группа играет определяющую роль в выработке социального представления. Коллективные культурные представления описываются С. Московичи как бессознательные и связанные с навыком, получаемым в процессе социализации.

Для изучения поставленной в исследовании проблемы нами был использован структурный подход Ж.-К.Абрика [7; 9], предполагающий, что наиболее полное понимание значения и места того или иного социального представления в системе мировоззрения социальной группы дает анализ не только содержания, но и структуры этого представления.

В контексте данного подхода в качестве основных структурных элементов социального представления рассматриваются его ядро и периферия. Ядерная часть является, по сути, смыслообразующим элементом представления, отражая ценности, нормы, традиции, историю социальной группы. Ядро социального представления достаточно стабильно и устойчиво по отношению к внешнему вмешательству, к новым идеям и веяниям. Более чувствительными к индивидуальному опыту и конкретным обстоятельствам оказываются периферические области социальных представлений: их относительная изменчивость выполняет защитную функцию, принимая на себя «удары реальности» и ограждая тем самым

ядро представления от несущественной информации. Подобное строение социальных представлений помогает субъекту сохранять относительно устойчивую картину мира на протяжении практически всей жизни, и, вместе с тем, позволяет корректировать ее в соответствии с требованиями времени и обстоятельств. Однако при радикальных жизненных переменах новое содержание социальных представлений может сломать прежнюю структуру, затронув не только периферическую часть, но и ядро. Тогда возникает новое социальное представление, заменяющее прежнее в целостной картине мира как отдельного человека, так и социальной группы, к которой он принадлежит.

Материалы и методы исследования. Основным эмпирическим методом для изучения социальных представлений в рамках данного подхода стал метод свободных ассоциаций [3; 4; 5; 8]. Обработка и анализ полученных материалов проводились в соответствии с требованиями метода прототипического анализа П.Вержеса [7; 10].

Основными параметрами ассоциативных понятий, на основании которых они относятся к ядру либо к периферии социального представления, являются частота встречаемости ассоциации в данной выборке и ранг появления ассоциации в ответах респондентов. Пересечение точек медианы частоты встречаемости и среднего ранга появления ассоциаций образует систему координат, включающую четыре зоны. К I зоне - ядра социального представления - относятся ассоциации с высокой частотой встречаемости и низким средним рангом относительно центральной точки пересечения осей. В зоны потенциальных изменений входят ассоциации с низкой частотой встречаемости и низким средним рангом (зона II), причем некоторые исследователи считают, что это отражает позицию меньшинства, а также ассоциации с высокой частотой встречаемости и высоким средним рангом, которые обычно связывают с воздействием СМИ (зона III) [5]. Ассоциации с низкой частотой встречаемости и высоким средним рангом образуют собственно периферическую, наиболее подвижную зону социальных представлений (зона IV).

В исследовании приняли участие родители будущих первоклассников московской общеобразовательной школы № 799 (88 человек) и школы-интерната «Интеллектуал», реализующий программы образования повышенной сложности (52 человека).

Дискуссия. Респондентам было предложено написать по пять ассоциаций к понятиям, образующим смысловое поле проблемы психологического образа детства как основы формирования образовательной среды ребенка. В этот перечень мы включили такие категории как «детство», «родители», «игра», «учеба», «педагог», «одноклассники».

От родителей школы № 799 всего было получено 2072 ассоциации по всем 6 позициям, то есть каждый респондент указал в среднем по 3,92 ассоциации к одному понятию. От родителей школы «Интеллектуал» получено 1275 ассоциаций, по 4,09 ассоциации к одному понятию в среднем. При обработке данных близкие по смыслу и синонимичные словосочетания и понятия относились нами к одной ассоциации. Для дальнейшего анализа учитывались лишь те ассоциации, которые дали не менее 5% респондентов.

Кроме того, отметим, что общий список ассоциаций, предложенных родителями школы № 799, значительно шире и разнообразнее перечня ассоциаций, предложенных родителями «Интеллектуала». Аморфность, диффузность социальных представлений родителей школы № 799 об основных аспектах детства позволяет сделать предварительный вывод о правомерности сравнения данных родительских групп как различающихся по степени осознанности и мотивированности выбора образовательной программы для своих детей.

Рассмотрим полученные данные более подробно.

В таблицах 1 и 1а приведены данные о структуре социальных представлений родителей по категории «Детство».

Таблица 1. Структура и содержание социального представления «Детство» (школа № 799).

ча- стога	средний ранг	
	< 2,88	≥ 2,88
≥ 14,5	счастье (1,95), радость (2,26), игры (2,34), игрушки (2,38), прогулки (2,74), веселье (2,82)	беззаботность (2,93), друзья (2,96), родители (3,36)
< 14,5	любопытность (2,54), наивность (2,63), сладости (2,7), скука (2,2)	детский сад (3), дедушка/бабушка (3,15), школа (3,17), подарки (3,33), любовь (3,88), книги (4,33)

В ядро социального представления «детство» для данной группы респондентов вошли такие понятия как *счастье, радость, игры, игрушки, прогулки, веселье* (последовательность соответствует рангу ассоциации). В зону потенциальных изменений вошли понятия *беззаботность, друзья, родители, любопытность, наивность, сладости, скука*, а понятия *детский сад, дедушка/бабушка, школа, подарки, любовь и книги* образуют собственно периферическую, наиболее подвижную часть данного социального представления. Реконструированный в соответствии с выявленной структурой социального представления образ отра-

жает традиционный стереотип так называемого «счастливого детства», заполненного играми, прогулками, весельем и радостью наивного познания мира. Понятия, относящиеся к сфере социализации ребенка (детский сад, школа, книги), входят в представление о детстве в качестве второстепенных.

Таблица 1а. Структура и содержание социального представления «Детство» (школа «Интеллектуал»).

ча- стога	средний ранг	
	< 3,18	≥ 3,18
≥ 12	счастье (1,57), беззаботность (2,25), радость (2,33), познание (2,4), прогулки (2,8)	родители (4,5), книги (4,7)
< 12	лето (2,33), труд (2,5), игра (3)	любовь (3,5), будущее (4,5), друзья (4,7)

В данном случае ядро социального представления «детство» образуют такие понятия как *счастье, беззаботность, радость, познание, прогулки*, (последовательность соответствует рангу ассоциации). В зону потенциальных изменений вошли понятия *родители, книги, лето, труд и игра*, в периферическую зону - *любовь, будущее и друзья*. Можно видеть, что представление о детстве родителей «Интеллектуала» тоже достаточно стереотипно, однако в него включаются не только атрибуты «счастья», но и элементы взрослости, такие, как труд, книги и даже будущее. Примечательно, что для этой выборки респондентов друзья оказались на периферии социального представления о детстве, а традиционные институты социализации (детский сад, школа) вовсе не вошли в него.

В таблицах 2 и 2а приведены данные о структуре социальных представлений родителей по категории «Родители».

Таблица 2. Структура и содержание социального представления «Родители» (школа № 799).

ча- стога	средний ранг	
	< 2,84	≥ 2,84
≥ 15	мама (1,33), забота (2,26), ответственность (2,31), доброта (2,59), любовь (2,68)	поддержка (2,86), доверие (3,28), воспитание/обучение (3,54), семья (3,65)
< 15	папа (2,23), счастье (2,5), авторитет (2,62), защита (2,63),	бабушка/дед (3,15), совместный отдых (3,33), дом, (3,44), наказания (3,86)

В ядро социального представления «Родители» вошли такие понятия как *мама, забота, ответственность, доброта, любовь* (последовательность соответствует рангу ассоциации). В зону потенциальных изменений вошли понятия *поддержка, доверие, воспитание/обучение, семья, папа, счастье, авторитет и защита*, а понятия *дедушка/бабушка, совместный отдых, дом и наказания* образуют периферическую часть данного социального представления. Очевидно, что для данной выборки респондентов материнская забота и любовь составляют основу образа родительства, а все важные социальные функции семьи, связанные с защитой, поддержкой, воспитанием детей, оказались в зоне потенциальных изменений. Состав семьи также не входит в ядерную часть представления о родителе, а наказания, равно как и радость совместного бытия, и вовсе оказались на его периферии. По-видимому, это отражает направления трансформации современной семьи в контексте так называемого второго демографического перехода. Семья становится более демократичной, ее структура перестает быть жесткой, детоцентричной, приоритет отдается идее комфортного существования всех ее членов и естественного вхождения ребенка в жизнь семьи [6].

Таблица 2а. Структура и содержание социального представления «Родители» (школа «Интеллектуал»).

ча- стота	средний ранг	
	< 2,75	≥ 2,75
≥ 19	любовь (2,14), защита (2,2), поддержка (2,55), семья (2,67)	воспитание, обучение (3,8)
< 19	дом (1,67), счастье (2), авторитет (2,7)	строгость (3,2), ответственность (3), прогулки (4,33)

Для этой группы респондентов ядро социального представления о родителях связано как раз с ценностью главных семейных функций – *любви, защиты и поддержки*. В своих ответах они не дифференцируют членов семьи по их значимости для ребенка, указывая на *семью* в целом как на важнейший элемент социального феномена родительства. Зону потенциальных изменений образуют понятия *воспитание/обучение, дом, счастье, авторитет*, периферическую часть – *строгость, ответственность и прогулки*.

Обращает на себя внимание совпадение места и веса отдельных структурных элементов рассматриваемого социального представления в ответах респондентов обеих выборок. Так, категории *счастье* и *авторитет* имеют близкие ранговые показатели и занимают область ассоциаций, указываемых меньшинством

опрашиваемых, категория *воспитание и обучение детей* располагается в зоне популярных ответов, а ассоциации, связанные с наказаниями и совместным отдыхом, находятся в периферической зоне.

В таблицах 3 и 3а приведены данные о структуре социальных представлений родителей по категории «Игра».

Таблица 3. Структура и содержание социального представления «Игра» (школа 799).

частота	средний ранг	
	< 2,82	≥ 2,82
≥ 24	веселье/радость (2,04), подвижные игры (2,49), спортивные игры (2,5)	развитие/познание (3), игрушки (3,09), друзья (3,22)
< 24	азарт (2,8), компьютерные (2,7)	настольные игры (2,9), интерес (3,02), отдых (3,2)

Ядро социального представления «Игра» для родителей школы № 799 образуют такие понятия как *веселье, подвижные игры, спортивные игры* (последовательность соответствует рангу ассоциации). В зону потенциальных изменений входят *развитие/познание, игрушки, друзья, азарт и компьютерные игры*, а понятия *настольные игры, интерес и отдых* находятся в периферической части данного социального представления. Для данной группы родителей детская игра ассоциируется с подвижностью, весельем, азартом, общением с друзьями, развивающие и компьютерные игры также являются значимым элементом жизни современного ребенка. На интерес к настольным играм указало незначительное количество респондентов.

Таблица 3а. Структура и содержание социального представления «Игра» (школа «Интеллектуал»).

частота	средний ранг	
	< 3,07	≥ 3,07
≥ 17	логические (1,75), подвижные (2,33), веселье (2,4)	настольные (3,17), спортивные (4), развитие, познание (4)
< 17	ролевые (2), азарт (2,9)	друзья (3,67), компьютерные (4,5)

Наибольшую значимость для родителей школы «Интеллектуал» имеют логические игры, занимающие лидирующую позицию в структуре представления об игре. Как и для респондентов школы № 799, в ядерную часть входят *подвиж-*

ные игры и веселье, в зоне потенциальных изменений оказываются *развитие/познание* и *азарт*. Настольные, спортивные, ролевые игры также важны для родителей «Интеллектуала», а *дружья* и *компьютерные игры* занимают периферическую часть представления об игре. Для этих родителей детская игра – это тоже подвижность, веселье и азарт, но решающее значение для развития ребенка имеют логические, настольные и ролевые игры. Общение с друзьями наряду с компьютерными играми оказалось на периферии их представления об игре, что свидетельствует о невысокой ценности этих элементов детской жизни для родителей, ориентированных на качественное образование своих детей.

В таблицах 4 и 4а приведены данные о структуре социальных представлений родителей по категории «Учеба».

Таблица 4. Структура и содержание социального представления «Учеба» (школа № 799).

ча- стота	средний ранг	
	< 2,78	≥ 2,78
≥ 11,5	интерес (1,88), труд (2,06), самодисциплина (2,12), знания (2,27), конкретные предметы (2,69)	учитель (3), школа (3,05), уроки (3,06), друзья (3,08), школьные атрибуты (4)
< 11,5	ответственность (2,14), развитие (2,2), книги/учебники (2,5), познание мира (2,57)	оценки (2,78), фундамент будущего (2,99), успех (3,4), негативные переживания (3,9)

Родители школы № 799 придерживаются традиционного отношения к учебе как важной части жизни ребенка. В ядро данного социального представления вошли понятия *интерес, труд, самодисциплина, знания*, а также указания на различные школьные *предметы*. Зону потенциальных изменений образуют понятия *учитель, школа, уроки, друзья, школьные атрибуты* (класс, парта, звонок, мел, доска, портфель), *ответственность, развитие, книги, познание мира*. На периферии остались *оценки, успехи и огорчения*, а также отношение к учебе как к *фундаменту будущего*. Иными словами, учеба – это интересная, сложная и ответственная деятельность, неотделимая от школы как социального института. Связанные с учебой в школе эмоциональные переживания, как позитивные, так и негативные, имеют второстепенное значение, сама же учеба воспринимается часть сегодняшней, а не будущей жизни ребенка.

Для родителей «Интеллектуала» социальное представление об учебе оказалось весьма бедным на ассоциации. Для них, как и для родителей школы 799, учеба связана с интересом к знаниям, общением с друзьями, традиционными

школьными атрибутами. Разница, однако, состоит в том, что понятия *школа* и *учитель* оказались лишь на периферии данного социального представления, зато появилось понятие *нагрузка*, отсутствовавшее у родителей обычной школы. С определенной долей допущения можно предположить, что *нагрузка* синонимична понятию *труд*, отмеченному родителями школы 799, но только в том случае, если понимать учебу как тяжелый труд, а не как социально важную, ответственную деятельность. Кроме того, родители «Интеллектуала» рассматривают школьное обучение не как фактор развития ребенка, а как ступень в его общем образовании, о чем свидетельствует достаточно высокая значимость понятия *университет*. Очевидно, что школа как социальный институт не имеет для них традиционного высокого значения, отношение к ней скорее функциональное, нежели личностное.

Таблица 4а. Структура и содержание социального представления «Учеба» (школа «Интеллектуал»).

ча- стота	средний ранг	
	< 2,65	≥ 2,65
≥ 14	интерес (2,17), знания (2,25), друзья (2,5),	нагрузка (2,75), школьные атрибуты (2,82)
< 14	университет (2), необходимость (2,33)	школа (2,67), учитель (3), вся жизнь (4)

В таблицах 5 и 5а приведены данные о структуре социальных представлений родителей по категории «Педагог».

Таблица 5. Структура и содержание социального представления «Педагог» (школа № 799).

ча- стота	средний ранг	
	< 2,81	≥ 2,81
≥ 12	наставник (1,69), авторитет (2,35), знания (2,55), профессионализм (2,74), требовательность (2,74)	терпение (2,83), помощник (2,88), доброта (2,88), учебный процесс (2,94), справедливость (3,08)
< 12	друг (2,1), мудрость (2,22), внимание (2,3), доверие (2,67)	внешние атрибуты (3,29), любовь к детям (3,55), школа (3,57)

Ядро социального представления о педагоге для данной выборки составляют такие понятия как *наставник, авторитет, знания, профессионализм, требовательность* (последовательность представления ассоциаций соответствует их рангу), в область потенциальных изменений вошли понятия *терпение, помощник, доброта, учебный процесс, справедливость, друг, мудрость, внимание, доверие*. Периферическая часть образована *внешними атрибутами* (указка, доска, красная ручка, очки), *любовью к детям, школой*. Таким образом, родители массовой школы убеждены, что педагог должен быть авторитетным, знающим и требовательным профессионалом, желательно терпеливым, добрым, справедливым, внимательным и мудрым. Любовь к детям рассматривается скорее как стереотипный атрибут учителя, нежели профессионально-ценное качество.

Таблица 5а. Структура и содержание социального представления «Педагог» (школа «Интеллектуал»).

ча- стота	средний ранг	
	< 2,78	≥ 2,78
≥ 16	строгость (1,75), помощь (2,4), авторитет (2,5), терпение (2,75)	знания (3), профессионализм (3,2)
< 16	доброта (2,25), друг (2,4), мудрость (2,67)	справедливость (3,67), индивидуальность (4)

Родители «Интеллектуала» придерживаются похожей позиции: педагог должен быть, в первую очередь, *строгим, авторитетным, терпеливым* и готовым оказать ребенку необходимую *помощь*. Высокий уровень *знаний, профессионализм, доброта, мудрость и дружелюбие* имеют для них существенное значение, однако, не первоочередное. На периферии оказались такие личностные качества педагога как *справедливость* и *индивидуальность*.

По-видимому, для современных родителей наибольшую ценность представляют те черты педагога, которые связаны с его умением учить, требовать и помогать в освоении нового. В ядро данного социального представления попало лишь одно личностное качество – терпение, в то время как другие профессионально значимые качества личности педагога оказались в зоне потенциальных изменений, то есть не воспринимаются респондентами как обязательные. Иными словами, хорошо, если педагог добр, внимателен и терпелив, но гораздо важнее, чтобы он хорошо учил, умел объяснить материал, уверенно вел учеников по дороге знаний. Такое отношение к педагогу как к функции свидетельствует о де-

вальвации в современном обществе содержания профессии педагога, утрате гуманитарного смысла его профессиональной деятельности и сведения ее лишь к трансляции знаний.

Изменение модели взаимодействия школы и семьи, возложившее приоритет ответственности за воспитание и образование детей на семью [1], стало причиной снижения традиционной ценности школы как социального института. Школа утратила свой статус носителя и проводника культуры и превратилась в учреждение, оказывающее образовательные услуги, качество которых измеряется конкретными учебными достижениями ребенка.

В таблицах 6 и 6а приведены данные о структуре социальных представлений родителей по категории «Одноклассники».

Таблица 6. Структура и содержание социального представления «Одноклассники» (школа № 799).

ча- стота	средний ранг	
	< 2,97	≥ 2,97
≥ 13	друзья (1,49), общение (2,6), школа (2,93), веселье (2,95)	отзывчивость (3), помощь (3,27), досуг (3,37), учеба (3,57)
< 13	коллектив (2)	праздники (3), общие интересы (3,09), первая любовь (3,17), соперничество (3,2), экскурсии (3,33), на всю жизнь (3,57)

Таблица 6а. Структура и содержание социального представления «Одноклассники» (школа «Интеллектуал»).

ча- стота	средний ранг	
	< 2,79	≥ 2,79
≥ 16	друзья (1,11), разные (2,5), учеба (2,5)	поддержка, помощь (3), праздники (3,75), соперничество (3,8)
< 16	досуг (2)	школа (2,81), веселье (3,67)

Ядро социального представления «Одноклассники» для родителей массовой школы составляют такие понятия как *друзья, общение, школа, веселье* (последовательность представления ассоциаций соответствует их рангу). Зону потенциальных изменений образуют понятия *коллектив, отзывчивость, помощь, досуг и учеба*. На периферии представления оказались понятия, не специфичные для школы, отражающие конкретное содержание повседневной жизни детей.

Можно видеть, что образ одноклассников для этой выборки респондентов несколько идеалистичен и отражает традиционный стереотип «дружного класса».

Для родителей школы «Интеллектуал» одноклассники ассоциируются прежде всего с друзьями по учебе, причем не обязательно в школе (понятие *школа* оказалось в наименее значимой, периферической зоне). С ними проводят досуг и праздники, от них ждут помощи и поддержки, но они же воспринимаются как соперники. Такое представление об одноклассниках отвечает приоритетам современного образования, связанным с воспитанием конкурентоспособной личности, которая сможет успешно адаптироваться на рынке труда. Способности конкурировать, соперничать, бороться и побеждать становятся социально ценными качествами личности современного человека, задающими вектор воспитательных и образовательных усилий родителей и определяющими их отношение к успехам и достижениям детей [2].

Результаты исследования. Проведенное исследование показало, что метод прототипического анализа обладает высокой чувствительностью к тонким различиям в структуре социальных представлений респондентов, живущих в одной культурной среде, но имеющих разные ценностные ориентиры и целевые установки. Сравнительный анализ структуры и содержания социальных представлений родителей о понятиях, образующих смысловое поле изучаемой проблемы, позволил создать описательные модели психологического образа детства, которыми они руководствуются при выборе образовательной среды для своих детей.

Так, родители, чьи дети поступили в *обычную общеобразовательную школу*, опираются на традиционный стереотип так называемого «счастливого детства», заполненного подвижными веселыми играми, прогулками, общением с другими детьми, весельем и радостью наивного познания мира. Фундаментом счастливого детства является материнская любовь и забота, при этом состав семьи и ее основные социальные функции имеют второстепенное значение. Такие важные факторы и институты социализации как воспитание, обучение, культурное и познавательное развитие, детский сад, школа не являются незыблемыми элементами детства, их содержание и значение в детской жизни может меняться в зависимости от конкретных обстоятельств и семейных приоритетов. Тем не менее, для этих родителей учеба – это интересная, сложная и ответственная деятельность, существенная часть сегодняшней жизни ребенка, неотделимая от школы как социального института. Первый учитель ребенка вовсе не должен стать ему «второй мамой», от него ждут профессиональных знаний и требовательности, в первую очередь, и терпения, доброты, справедливости, мудрости, во вторую. Любовь к детям рассматривается скорее как стереотипный атрибут

социальной роли учителя, нежели профессионально-ценное качество. Ожидается, что одноклассники будут составлять основной круг общения ребенка, станут товарищами не только по учебе, но и по играм, прогулкам, праздникам. Такой традиционный стереотип «дружного класса» свидетельствует об отсутствии явных стратификационных установок у родителей, выбравших для своих детей массовую школу.

Реконструкция образа детства, на который опираются *родители, выбравшие школу «Интеллектуал»*, показала, что определенная стереотипность представлений этих родителей о «счастлимом детстве» как времени веселых подвижных игр и прогулок не препятствует включению в них некоторых элементов взрослости, таких, как труд, книги и даже будущее. Общество сверстников, детский сад, школа менее важны для хорошего детства, чем любовь, защита и поддержка семьи. Указывая не на отдельных членов семьи, а на *семью* в целом как на важнейшее условие психологического благополучия ребенка, родители демонстрируют свое отношение к ребенку именно как к семейной ценности. Развитию и воспитанию ребенка уделяется специальное внимание, взрослые играют с ним в логические и настольные игры, роль компьютерных игр весьма незначительна. Школьное обучение рассматривается только как ступень в общем образовании ребенка, условие для так называемого «хорошего старта». От учителя ждут качественных знаний и высокого профессионализма, требовательности и строгости, его личностные качества не столь существенны. В этом позиция родителей обеих выборок совпадает, что свидетельствует об утрате гуманитарного содержания профессиональной деятельности педагога и сведения ее лишь к трансляции знаний. Отношение к одноклассникам амбивалентное, они воспринимаются не только как друзья, но и как соперники, что типично для школ с высокими требованиями к учебным достижениям. Такая готовность к соперничеству отражает целевые установки родителей первоклассников на социализацию детей в высококонкурентной среде.

Выводы. Таким образом, мы видим, что образ детства, которым руководствуются родители, выбирающие для своих детей обычную общеобразовательную школу рядом с домом, оказывается более традиционным, в значительной степени опирающимся на социальные стереотипы детства, существующие в культуре нашего общества. Этот образ несколько аморфен, в нем есть место для разных вариантов проживания детства, есть пространство для маневра в случае изменения обстоятельств жизни или семейных приоритетов.

Образ детства, на который опираются родители, стремящиеся отдать ребенка в школу с повышенным уровнем требований к учебной программе, оказы-

вается более четким, направленным на достижение ребенком высоких результатов в развитии и образовании. Можно сказать, что с точки зрения этих родителей детство должно быть исключительно «питательным» и полезным: интенсивное развитие и качественное образование дадут ребенку хороший старт, помогут выстоять в острой конкурентной борьбе за жизненный успех. Однако такие целевые установки таят в себе опасность дисфункции чувства родительской ответственности [2], провоцируют проявление родительского перфекционизма и создают угрозу психологическому благополучию ребенка.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ.
Проект № 17-06-00036.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А.Д. Социальная модель взаимодействия семьи и школы в контексте реформы российского образования // *Семья, брак и родительство в современной России*. Выпуск 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2015. С. 347-355.
2. Андреева А.Д. Родительский перфекционизм как мотивационная основа воспитания и образования детей // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2015. Т.8 №1. С. 40-48.
3. Бовина И.Б. Представления о здоровье и болезни в молодежной среде // *Вопросы психологии*. 2005. № 3. С. 90-96.
4. Борисова А.М., Воловикова М.И. Психолого-мировоззренческие функции праздника в российском обществе // *Психологические проблемы современного российского общества*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2012. С. 125-195.
5. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2006. 400 с.
6. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // *Отечественные записки*. 2005. №3. – С. 124-140.
7. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // *Психологический журнал*. 1995. Т. 15. № 1. С. 3-18.
8. Мурашенкова Н.В. Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2012. № 12(20). Код доступа: www.sisp.nkras.ru
9. Abric J-C. A Structural Approach to Social Representations // *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions* / Eds. by K.Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 42–47.
10. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. Tome XLV. No 405. P. 203–209.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Andreeva A. D. Social Model of Interaction between Family and School in the Context of the Russian Education Reform // *Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia*. Issue 2. Moscow, “Institute of Psychology RAS” Publ. 2015. Pp. 347-355.
2. Andreeva A. D. Parents' Perfectionism as the Motivational Basis of Children's Upbringing and Education // *Theoretical and Experimental Psychology*. 2015. Vol. 8 № 1. Pp. 40-48.
3. Bovina I. B. Health and Disease Representations among the Young // *The Questions of Psychology*. 2005. № 3. Pp. 90-96.

4. Borisova A.M., Volovikova M.I. Psychological and Ideological Functions of Holiday in Russian Society // Psychological Problems of Modern Russian Society. Moscow, "Institute of Psychology RAS" Publ. 2012. Pp. 125-195.
5. Emelyanova T. P. On the Constructing of Social Representations in the Context of Transformation of Russian Society. Moscow, "Institute of Psychology RAS" Publ. 2006. 400 pp.
6. Zakharov S. V. Birth Rate Projections in Russia: the Second Demographic Transition // Notes of the Fatherland. 2005. № 3. Pp. 124-140.
7. Moscovici S. Social Representations: a Historical View // Psychological Journal. 1995. Vol. 15. № 1. Pp. 3-18.
8. Murashchenkova N. V. The Structure of Social Representations of the Young about Extremism and Patriotism // Modern Studies of Social Problems (electronic scientific journal). 2012. № 12(20). Access Code: www.sisp.nkras.ru
9. Abric J-C. A Structural Approach to Social Representations // Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions / Eds. by K.Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 42-47.
10. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. Tome XLV. No 405. P. 203-209.

MODERN PARENTS' SUBJECTIVE IMAGE OF CHILDHOOD AS THE BASIS FOR FORMATION OF CHILD'S EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Andreeva A.D.

FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education"

The article presents the analysis of an empirical research aimed to study the subjective image of childhood characteristic of the parents whose children go to schools that realize educational programmes of different levels of complexity. The data reflecting the structure and the content of social representations of future first-graders' parents and their idea of the essential concepts belonging to the semantic field of childhood problem allowed us to create descriptive models of childhood image characteristic of the parents who choose a general education secondary school for their children or a school that makes higher demands on children's abilities. The method of prototypical analysis used in the research proved to be very sensitive to the differences in the structure of social representations of the respondents who live in the same cultural environment but have different value orientations and target settings.

Keywords: childhood, psychological image, social representations, parents, educational environment.

Сведения об авторе:

Андреева Алла Дамировна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт РАО», 125009, г.Москва, Моховая ул., д.9, стр.4. e-mail: alladamirovna@yandex.ru.

Andreeva Alla D., Ph. D., Senior Researcher, the Head of the Laboratory of the Scientific Bases of Children's Practical Psychology, FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education", Moscow, Mokhovaya st., 9, apt. 4, e-mail: alladamirovna@yandex.ru.

Ссылка для цитирования:

Андреева А.Д. Субъективный образ детства у современных родителей как основа формирования образовательной среды ребенка // Гуманитарный научный вестник. 2017. №7. С. 33-47. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№7-Andreeva.pdf>

УДК 316.77; 070; 811.922

Эсперантистские средства массовой информации в год 130-летия создания языка эсперанто

Симонов И.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Анализируются печатные средства массовой информации на международном плановом вспомогательном языке эсперанто, их виды и особенности, характерные черты журналистики на эсперанто.

Ключевые слова. Эсперанто, международный вспомогательный язык, печатные средства массовой информации, периодика, сетевое сообщество, международные коммуникации.

26 июля 2017 года исполнилось 130 лет со дня выпуска российским подданным Лазарем (Лейзером, Людвигом) Марковичем Заменгофом (1859-1917) своего первого учебника международного вспомогательного («искусственного», синтетического, планового) языка эсперанто.

Сегодня как в научных кругах, так и в средствах массовой информации преобладает мнение, что эсперантизм является типичным примером утопического социального проекта. Действительно, следует констатировать, что не достигнута идеалистическая цель, провозглашенная пионерами эсперанто-движения: сделать эсперанто «вторым языком для каждого» (*la dua lingvo por ĉiuj*).

Вместе с тем, в XXI веке продолжает существовать и самовоспроизводиться немногочисленное, но преемственное, пережившее различные исторические трудности, международное сообщество «пользователей» эсперанто.

Данное движение породило своеобразную международную субкультуру и социальную деятельность, неотъемлемой частью которой являются и средства массовой информации.

Газеты и журналы сыграли в истории эсперанто-движения особую роль, сравнимую по своей значимости с ролью личной переписки на эсперанто между людьми из разных стран. Эсперанто, в отличие от «естественных» языков, возник и начал обретать сообщество пользователей как «письменный» язык (первый всемирный конгресс эсперантистов, ознаменовавший обретение эсперанто полноценной устной формы, состоялся во Франции в 1905 году, то есть через 18 лет после издания первого учебника).

Периодические издания в движении эсперантистов всегда выполняли важнейшую организационную функцию. Для значительной части эсперантистов чтение эсперанто-периодики было и остается главной формой применения сво-

его знания эсперанто. При этом по сравнению с печатными СМИ и роль радиопередач на эсперанто незначима: в среднем в течение истории движения одновременно вещали на эсперанто регулярно не более 5-6 радиостанций. Сейчас на эсперанто (вне Интернета) ежедневно вещает одна радиостанция, еженедельно – четыре [3, p. 87]. Никогда не существовало полноценное телевидение на эсперанто (хотя в текущем году реализуется шесть телевизионных интернет-проектов).

В настоящий момент на эсперанто выходит около 350 «бумажных» периодических изданий [5] (этот показатель примерно одинаков для всей истории движения после первого всемирного конгресса эсперантистов) и около двух десятков стабильных периодических изданий в интернете (retgazetoj). Характерная черта «бумажных» изданий – редкая периодичность выхода в свет: нет ни одного эсперанто-издания, выходящего чаще, чем раз в месяц. Ранее, до начала 2000-х годов, встречались отдельные газеты, например венгерская «Eventoj» - «События», выходившие раз в две недели, однако еженедельных и, тем более, ежедневных изданий не было в течение всей истории эсперанто-движения.

Все связанные с эсперанто-движением издания (сейчас - и соответствующие интернет-ресурсы) по своим отличительным характеристикам можно условно разделить на три группы:

- «движенческие» (movadaĵ, primovadaĵ) – посвященные, прежде всего, самому эсперанто-движению;
- специализированные тематические издания (обычно – органы различных эсперанто-ассоциаций по интересам);
- «обычные» издания, уделяющие основное внимание общественно-политической, социальной, культурной, бытовой тематике.

Среди «движенческих» эсперанто-изданий значительное количество составляют органы национальных ассоциаций разных стран или регионов. Это часто отражается в их названиях: «Bulteno de Ruslanda Esperantista Unio» - «Бюллетень Российского Союза Эсперантистов», «Israela Esperantisto» - «Израильский эсперантист», «Kataluna Esperantisto» – «Каталонский эсперантист» и т.д. Порой органы печати национальных эсперанто-ассоциаций имеют названия не на эсперанто (Esperanto-Aktuell – издание австрийских эсперантистов). Впрочем, встречаются органы национальных эсперанто-ассоциаций, в названии которых нет слова «эсперанто» и названия страны: «Lumo» («Свет» - орган Канадской Эсперанто-Ассоциации), «Starto» (орган Чешской Эсперанто-Ассоциации) и др. Все данные издания обычно двуязычны, содержат материалы для начинающих, отчеты и объявления об эсперантистских мероприятиях. В них почти не представлена общественно-политическая тематика.

Стабильностью отличаются органы печати различных объединений по профессиям и интересам. Так, «Espero Katolika» – «Католическая надежда» выходит с 1903 года (орган Международного объединения эсперантистов-католиков, самое старшее из периодических изданий на эсперанто, не прекративших свое существование), «Scienca Revuo» - "Научный журнал" (орган Международной научной организации эсперантистов) – с 1904 года, «Internacia Pedagogia Revuo» – «Международный педагогический журнал» (орган Лиги эсперантистов-учителей) - с 1914 года.

Международное эсперанто-движение уже в начальный период его существования было «версией феномена социальной сети» [1, с. 333]. Тем более это относится к эсперанто-движению на его современном этапе, в эпоху Интернета. Соответственно, еще в «доинтернетную» эпоху периодические издания на эсперанто имели многие черты, характерные для современных социальных сетей и современных сетевых изданий. Среди этих особенностей, присущих, прежде всего, «обычным» (не «движенческим» и не специализированным) газетам и журналам на эсперанто:

- преобладающая роль журналистов - «любителей» и «непрофессиональных» редакторов и издателей, для которых журналистика, выпуск газеты, журнала на эсперанто не является основной формой деятельности и средством заработка;

- «авторский» характер изданий (в большинстве «обычных» периодических изданий на эсперанто весь «редакционный коллектив» состоит из одного человека);

- особая роль писем читателей (в большинстве изданий на эсперанто они публикуются в стопроцентном объеме и без купюр), что придает даже изданиям «бумажной эпохи» черты, похожие на своеобразную интерактивность. При этом уже в 1970-е годы существовали периодические издания, содержание которых практически полностью составляли читательские материалы (например, выходящий с 1977 года во Франции журнал «Laito! – «Во весь голос»);

- игнорирование, в большой части «обычных» эсперанто-изданий, принципов журналистской этики;

- нестабильность периодических изданий на эсперанто, финансовая убыточность подавляющего большинства из них, значительное количество неудачных издательских проектов, недолгий средний срок существования многих изданий. Так, с 1887 до 1934 года в 59 странах выходило в свет 1276 периодических изданий на эсперанто, из которых 45 прекратили выход после первого номера, 448 – после 8-го, 167 – после одного года существования, 330 – после пяти [2, р. 309]. Данная тенденция сохранилась и в наши дни.

Вместе с тем, среди эсперанто-изданий, в том числе, «движенческих», немало качественных журналов, в которых работают профессиональные журналисты или люди, достигшие профессионального журналистского уровня. В качестве примеров можно привести официальный орган Всемирной эсперанто-ассоциации (UEA) «Esperanto» (издается с 1905 года), общественно-политический журнал «Monato» - «Месяц», феминистское издание «Femina», журналы «El Popola Ĉinio» – «Из Народного Китая» и «La Ondo de Esperanto» - «Волна эсперанто» (последний издается российскими эсперантистами).

С 1946 года действует организация Tutmonda Esperantista Ĵurnalista Asocio – Всемирная эсперантистская журналистская ассоциация, пережившая в ходе своей истории пять реорганизаций [6]. В последней редакции устава ассоциации, принятой в 2008 году, дается ее определение как «добровольного творческого союза, который объединяет профессиональных журналистов и журналистов-любителей, использующих и распространяющих язык эсперанто» [4].

Периодические издания на эсперанто, кроме подверженности всем современным типичным проблемам «бумажной» прессы, имеют ряд специфических трудностей: небольшое количество потенциальных читателей и «разбросанность» их по разным континентам, проблему с нахождением рекламодателей, проблему стоимости международной почтовой пересылки изданий и др. В значительной степени в связи с этим начался переход профессиональных эсперантистских периодических изданий в электронный формат. Так, только в электронном виде выходят «Monato», «La Ondo de Esperanto», «El Popola Ĉinio». Журналисты – эсперантисты возлагают большие надежды на Интернет, активно используя его возможности.

Интересно наблюдение за дизайном периодических изданий на эсперанто. Если до второй мировой войны обязательным атрибутом подавляющего большинства эсперантистских журналов и газет была *verda stelo* - зеленая звезда (обычно, с буквой E в центре), то в настоящее время данная эмблема (символ эсперанто-движения, появившийся в XIX веке) отсутствует на обложках большинства эсперантистской периодики и в «шапках» интернет-сайтов. Это связано с тем, что зеленая звезда считается многими редакторами символом первоначального романтического периода эсперанто-движения, ставившего перед собой нереалистические цели, в то время как сегодняшние эсперантисты реалистично смотрят на языково-политическую ситуацию в мире и свое место в нем, свободны от фанатизма и «сектантского» менталитета.

Несмотря на скептическое отношение к эсперанто, доминирующее в настоящее время в общественном мнении, нельзя не признать, что эсперантизм явля-

ется уникальным социально-лингвистическим экспериментом всемирно-исторического масштаба, продолжающимся с конца позапрошлого века до наших дней на основе международной общественной инициативы без поддержки государственных структур. Феномен средств массовой информации на эсперанто подтверждает коммуникационную и культурно-общественную ценность этого планового вспомогательного языка для международного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власов Д.В. История применения эсперанто в России: печать, радиовещание, переписка, самиздат. – М.: Импэто, 2014. - 408 с.
2. Esperanto en perspektivo. - London-Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1974. – 844 p.
3. Jarlibro 2016. – Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 2016. – 252 p.
4. La Statuto de TEĴA// Tutmonda Esperantista Ĵurnalista Asocio. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tejha.org/statuto.html> (дата обращения 17.06.2017).
5. Pietiläinen, Ju. Esperanto-gazetaro: historio, nuntempo kaj perspektivoj // Tutmonda Esperantista Ĵurnalista Asocio. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tejha.org/artikoloj/historio_gazetaro.html (дата обращения 17.06.2017).
6. Tutmonda Esperantista Ĵurnalista Asocio. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tejha.org> (дата обращения 17.06.2017).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vlasov D.V. Istoriya primeneniya esperanto v Rossii: pechat, radioveshchanie, perepiska, samizdat. – M.: Ipmeto, 2014. - 408 s.
2. Esperanto en perspektivo. - London-Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1974. – 844 p.
3. Jarlibro 2016. – Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 2016. – 252 p.
4. La Statuto de TEĴA// Tutmonda Esperantista Ĵurnalista Asocio. URL: <http://www.tejha.org/statuto.html>.
5. Pietiläinen, Ju. Esperanto-gazetaro: historio, nuntempo kaj perspektivoj // Tutmonda Esperantista Ĵurnalista Asocio. URL: http://www.tejha.org/artikoloj/historio_gazetaro.html.
6. Tutmonda Esperantista Ĵurnalista Asocio. URL: <http://www.tejha.org>.

ESPERANTISTS MASS-MEDIA IN THE YEAR OF THE 130-TH ANNIVERSARY OF THE CREATION OF ESPERANTO-LANGUAGE

Simonov I. V.

National Research Nizhny Novgorod State University of Lobachevsky

The author analyzes journalism in the international planned auxiliary language Esperanto, types of printing periodicals in Esperanto, the place of nonprofessional journalists in Esperanto-press.

Keywords. Esperanto, esperantist journalism, periodical press, international auxiliary language, network community, international communications.

Сведения об авторе:

Симонов Игорь Валентинович, кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского; 603950, г.Нижний Новгород, пр.Гагарина, 23; E-mail: isimonov@yandex.ru.

Simonov Igor Valentinovich, PhD, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University of Lobachevsky; 603950 Nizhny Novgorod, pr.Gagarina, 23; E-mail: isimonov@yandex.ru.

Ссылка для цитирования:

Симонов И.В. Эсперантистские средства массовой информации в год 130-летия создания языка эсперанто // Гуманитарный научный вестник. 2017. №7. С. 48-53. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№7-Simonov.pdf>

УДК 94(3)

Заговор Килона – предпосылка первых законов Афин

Соловьева А.С.

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассматривается заговор Килона как предпосылка к принятию первых письменных законов Афин. Автор приходит к выводу, что из-за существования различных социальных противоречий регламентация правовой сферы в Аттике была необходима. Делается вывод, что мятеж олимпоника Килона – апогей борьбы аристократических родов. Для того, чтобы пресечь борьбу знати и урегулировать противоречия демоса и аристократии понадобились письменные законы. Килонов мятеж рассматривается как неудачная попытка установить тиранию, после которой аристократия Афин вводит новые законодательные постановления. В статье изучается закон Драконта об убийствах. Делается вывод о том, что именно благодаря данному положению удалось регламентировать отношения между аристократическими родами и сгладить социальные противоречия в среде евпатридов.

Ключевые слова: аристократия, евпатриды, Афины, Алкмеониды, Драконт, заговор Килона, законодательство.

Афинский полис является уникальным по своему развитию. Говоря об уникальности полиса, речь, конечно, в первую очередь должна идти про общественно-политическое устройство данного образования. В Афинах формальная фиксация основных аспектов гражданской и политической жизни появилась в архаическую эпоху. Именно с этого периода времени можно говорить о постепенно формирующемся полисном строе Аттики.

Появление первого письменного свода законов в Афинах, прежде всего, связано с внутренней борьбой в обществе формирующегося полиса. И.Е. Суриков справедливо замечает, что при проведении самого этого мероприятия — записи законодательства — голос демоса не мог играть решающую роль [8, с.38]. Вся политическая власть была сконцентрирована в руках знатных родов. Х. Туманс дал весьма четкое название для эпохи архаики - «мир аристократии» [9, с.147]. Таким образом, инициатива принятия законодательства исходила именно «сверху». К данной точке зрения также склоняется И.А. Шишова. По ее мнению, знать пыталась удовлетворить свои требования с помощью кодификации законодательства [11, с.56].

Причины принятия первого свода законов кроются в социальном контексте. Главным толчком к принятию правовых положений Драконта стал апогей общественного кризиса.

Близость мятежа Килона и оформление первого письменного свода законов не случайна. Можно сказать, что заговор Килона произошел в афинском обществе именно в тот момент, когда борьба между аристократическими родами усиливается, а пропасть между бедным населением и знатью еще больше возрастает. Э.Д. Фролов считает, что данные события непосредственно относятся к

тому, что древние называли «стасисом» и видели в этом кризис [10, с.135]. Стасис был настоящей болезнью греческих полисов эпохи архаики, он характеризовался постоянной политической борьбой [6, с.57]. Можно предположить, что заговор Килона - самое громкое событие данной борьбы. Таким образом, данный мятеж – предпосылка к кодификации законов. Именно заговор Килона побудил аристократию Аттики выступить инициатором первых законов. Ведь неудачная попытка установления тирании показала противоречия, которые существовали в афинском обществе.

Килонова смута – событие, произошедшее незадолго до принятия законодательства Драконта. Проблема датировки мятежа Килона стояла довольно долго перед учеными. Однако традиционно принято относить данное событие к досолоновскому времени. И.Е. Суриков датирует килоновский мятеж 636 г. до н.э. [7, с.37].

Килон – представитель старинного, благородного рода. Кроме этого, он был победителем на Олимпийских играх. После своей победы Килон обратился к оракулу в Дельфах, где получил удовлетворивший его ответ. Ему предписывалось установить свою власть в Афинах. Считая, что правильно понял предсказание оракула, Килон в следующие Олимпийские игры совершил попытку установления тирании. Х. Туманс считает, что такая самоуверенность Килона объясняется его победой на Олимпийских играх и той славой, которую он снискал себе после [9, с.184].

В эпоху архаики явление тирании было уже распространено в некоторых греческих областях. Особенно важным представляется явление тирании в Мегарах. По словам Л.А. Пальцевой, данное явление в Мегарах было достаточно прочным, но менее конструктивным, чем в соседних полисах [5, с.239]. Килон был женат на дочери Феагена, мегарского тирана (Thuc., I, 126). Возможно, именно пример Феагена побудил Килона совершить попытку захвата власти. Данный тезис подтверждает также рассказ Фукидида. По словам греческого историка, Килон воспользовался помощью Феагена, взяв у него войска для наступления на город.

Попытка установления тирании в Афинах и ее провал – яркий пример аристократической борьбы. Килон, как представитель аристократического рода, захотел установить единоличную власть. Его желание было подкреплено славой и почетом в обществе после победы на Олимпийских играх, и кроме того обстановкой в других полисах. Вполне вероятно, что Килон жаждал такой же власти, которая была у Феагена. Тем не менее, попытка Килона захватить власть и установить тиранический режим была провалена.

Подавлением мятежа руководили должностные лица. Так как высшие государственные должности находились в ведении аристократии, то и переговоры с Килоном вели представители знати. Это еще раз иллюстрирует роль евпатридов в происходящих событиях. Мятеж Килона – это военное столкновение знатных родов. Данный тезис подтверждается и словами Фукидида (Thuc., I, 126). Историк сообщает, что большей части осаждающих заговорщиков наскучило, и они ушли. Девять архонтов получили неограниченные полномочия и остались осаждать мятежников. Из этих слов видно, как демос относился к современным ему событиям. Вероятно, народ лишь частично понимал происходящее и не имел возможности повлиять на килоновский мятеж. Главные конфликты происходили именно в верхах общества.

Примечательны последствия заговора Килона для аристократических родов. Род Алкмеонидов, один из наиболее влиятельных родов того времени, возглавил подавление мятежа. По свидетельству Плутарха, именно Мегакл, представитель рода Алкмеонидов, был инициатором плана об убийстве заговорщиков (Plut. Sol.,12). После убийства мятежников было проведено очищение государства, а род Алкмеонидов был назван «нечестивым». Самой вероятной причиной изгнания данного рода и возложения на него полной вины за убийство заговорщиков является то, что род Алкмеонидов, по-видимому, был одним из наиболее влиятельных в период заговора Килона. Таким образом, представители знатных родов Аттики, тяготевшие к власти, сумели избавиться сразу от двух претендентов на господство в Афинах. Сперва был подавлен мятеж Килона, в ходе которого пресеклась первая в Афинах попытка установить тиранию. Затем на Алкмеонидов была возложена вина за убийство мятежников, а род был изгнан из государства.

Килонова смута – событие, которое предшествовало законодательству Драконта. Близость двух явлений во временном контексте уже указывает на их взаимосвязь [12, с.86]. Мятеж Килона – следствие нарастающей социальной борьбы в верхах афинского общества. Данное событие стало предтечей к кодификации законов в Аттике.

Примечательно, что последствия заговора Килона в первую очередь были отражены в первом письменном законодательстве. Сохранился закон Драконта, который направлен на санкционирование государством кровной мести [8, с. 42]. Некоторые исследователи полагают, что благодаря данному закону государство смогло полностью покончить с кровной мстью [4, с.34].

И.Е. Суриков полагает, что данные положения были приняты Драконтом для того, чтобы поддержать род Алкмеонидов. Законы об убийстве разграничивают убийство предумышленное и непредумышленное, и каждому соответствует

отдельное наказание. По мнению И. Е. Сурикова, закон Драконта об убийствах соответствовал интересам пострадавшего рода при подавлении смуты [8, с.45]. Возможно, здесь интересы рода Алкмеонидов и Драконта совпадали, ведь первый законодатель сам был из аристократической среды. Закон указывает на «оправданное убийство», скорее всего, действия Алкмеонидов попадали именно под эту категорию. Следовательно, и наказание было мягче, нежели за преднамеренное преступление [8, с.43].

Есть еще один важный момент, который помогает понять отношение самих древних греков к аристократическим распрям. В «Афинской политике» Аристотеля говорится о том, что Драконовские законы об убийстве были лишь частью законодательства (Aristot. Ath. Pol., 4, 7). Впоследствии, по словам Плутарха, законы Драконта были отменены, оставлены лишь законы об убийствах (Plut. Sol., 17).

И.Е. Суриков полагает, что сохранение положений об убийстве связано с тем, что Солон был сторонником Алкмеонидов, а интересы законодателя и знатного рода совпадали [7, с.137]. При этом, Плутарх прямым текстом пишет, что Солон принимал участие в осуждении «проклятого» рода и в его изгнании, будучи посредником при осуждении Алкмеонидов (Plut. Sol., 12).

На наш взгляд, Солон не отменил драконовские постановления об убийствах потому, что они попросту работали. Действительно, после принятия законодательства Драконта античные авторы не сообщают о столь громких событиях как мятеж Килона. Это значит, что драконовские законы об убийствах если не полностью, то хотя бы частично смогли предотвратить борьбу в среде афинской знати.

Как было сказано выше, заговор Килона стал неким прологом к регламентации правовой сферы Аттики. В эпоху архаики в Аттике довольно быстро и отчетливо происходило социальное расслоение. Афинская аристократия сконцентрировала у себя все рычаги политического управления. Такое доминирование одного социального слоя приводило к возникновению огромных противоречий между знатью и простым свободным народом. Особенно острыми социальные конфликты стали, когда Афины начали развиваться как торгово-экономический центр. Социальный слой торговцев и ремесленников начал выступать как промежуточный слой между аристократией и бедным населением.

Однако наравне с данным процессом происходит еще один. Внутри аристократической среды усиливается борьба за власть над Афинами. Так как вся политическая сфера находилась в руках знати, то инициатива принятия письменного законодательства принадлежит аристократии. Килонова смута – предпосылка к фиксации законов. Мятеж Килона – это апогей аристократической

борьбы, в результате чего афинская знать становится еще больше заинтересованной в регламентации правовой сферы.

Таким образом, заговор Килона стал толчком для разрешения внутренних противоречий, которые охватывали не только борьбу между знатью, но и между аристократией и демосом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aristoteles. *Athenaion politeia*/ Ed. M.Chambers. Leipzig, 1986. - Аристотель. Афинская полития/ Пер. С.И.Радцига, 2-е изд., М., 1937.
2. Plutarchus. *Vitae parallelae/ Recognovit Cl.Lindskog et K.Ziegler, vol.I-III. Leipzig, 1957-1973. - Плутарх. Сравнительные жизнеописания/ Изд. подгот. С.С.Аверинцев, М.Л.Гаспаров, С.П.Маркиш, т. I - II. М., 1994.*
3. Thucydides. *Historiae/ Iterum recensuit C.Hude. Editio maior, vol.I-II. Leipzig, 1913-1925. - "Фукидид. История/ Пер.Г.А.Стратановского. Л., 1981.*
4. Дворецкая И. А., Залюбовина Г. Т., Шервуд Е. А. Кровная месть у древних греков и германцев. М., 1995.
5. Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.
6. Суриков Е.И. Аристократия и демос. Политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009.
7. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000.
8. Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004.
9. Туманс Х. Рождение Афины. СПб., 2002.
10. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб., 2004.
11. Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.
12. Hignett C. *A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. L., 1952.*

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aristoteles. *Athenaion politeia*/ Ed. M.Chambers. Leipzig, 1986. - Aristotel'. Afinska politija/ Per. S.I.Radciga, 2-e izd., M., 1937.
2. Plutarchus. *Vitae parallelae/ Recognovit Cl.Lindskog et K.Ziegler, vol.I-III. Leipzig, 1957-1973. - Plutarh . Sravnitel'nye zhizneopisanija/ Izd. podgot. S.S.Averincev, M.L.Gasparov, S.P.Markish, t. I - II. M., 1994.*
3. Thucydides. *Historiae/ Iterum recensuit C.Hude. Editio maior, vol.I-II. Leipzig, 1913-1925. - "Fukidid. Istorija/ Per.G.A.Stratanovskogo. L., 1981.*
4. Dvoreckaja I. A., Zaljubovina G. T., Shervud E. A. Krovnaia mest' u drevnih grekov i germancev. M., 1995.
5. Pal'ceva L.A. Iz istorii arhaicheskoi Grecii: Megary i megarskie kolonii. SPb., 1999.
6. Surikov E.I. Aristokratija i demos. Politicheskaja jelita arhaicheskikh i klassicheskih Afins. M., 2009.
7. Surikov I.E. Iz istorii grecheskoj aristokratii pozdnearhaicheskoi i ranneklas-sicheskoi jepoh. M., 2000.
8. Surikov I.E. Problemy rannego afinskogo zakonodatel'stva. M., 2004.
9. Tumans H. Rozhdenie Afiny. SPb., 2002.
10. Frolov Je.D. Rozhdenie grecheskogo polisa. SPb., 2004.
11. Shishova I.A. Rannee zakonodatel'stvo i stanovlenie rabstva v antichnoj Grecii. L., 1991.

12. Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. L., 1952.

THE CYLONIAN AFFAIR – THE REASON OF THE FIRST LAWS OF ATHENS

Solovyeva A. S.

St. Petersburg State University

The article is dedicated to the Cylonian affair. This event was the precondition of the first laws of Athens. There were many serious contradictions in Athens and the adoption of laws was necessary. The author of the article concludes that the Cylonian affair was the peak of social conflicts in Athens. New laws were the only way to resolve the dispute between noble families. The Cylonian affair is considered as the failed attempt to take power. After this accident the first legislation was established. The first legislator, Draco, distinguish between murder and involuntary homicide. This law help to resolve conflicts in Athenian society.

Key words: aristocracy, eupatrid, Athens, Alcmaeonid, Draco, Cylonian affair, legislation

---

Сведения об авторе:

Соловьева Александра Сергеевна, бакалавр, 3 курс, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Solovyeva Alexandra Sergeevna, 3 course, baccalaureate, the Institute of History of St. Petersburg University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5.

Ссылка для цитирования:

Соловьева А.С. Заговор Килона – предпосылка первых законов Афин // Гуманитарный научный вестник. 2017. №7. С. 54-59. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№7-Solovyeva.pdf>